

На правах рукописи

ЭНТИНА ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА

**ОСОБЕННОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (НА ПРИМЕРЕ
ГОСУДАРСТВ ПОСТЪЮГОСЛАВСКОГО ПРОСТРАНСТВА)**

Специальность 23.00.04 – политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора политических наук

Москва – 2020

Работа выполнена в Отделе Черноморско-Средиземноморских исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт Европы Российской академии наук».

Официальные оппоненты:

Стрежнева Марина Вадимовна,
доктор политических наук,
Руководитель Группы институциональных проблем международных отношений, главный научный сотрудник Отдела международно-политических проблем Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук

Петровская Оксана Васильевна,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
ФГНБУ «Российский институт стратегических исследований»

Зонова Татьяна Владимировна,
доктор политических наук,
профессор кафедры дипломатии
ФГАОУВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Ведущая организация:

ФГБУН «Институт славяноведения Российской академии наук»

Защита состоится «22» июня 2020 г. 14.00 на заседании диссертационного совета Д.002.031.02 при Институте Европы РАН по адресу: 125993, г. Москва, ул. Моховая, д.11, стр. 3В. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института Европы РАН и на сайте instituteofeurope.ru. Автореферат разослан «___» _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат политических наук

Федоров Сергей Матвеевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Изучение феномена Европейского союза и его интеграционной политики представляет большую ценность в связи с ростом количества интеграционных объединений в современном мире. В данном контексте ЕС по-прежнему остается единственной организацией глубокого интеграционного типа, успешно существующей на протяжении нескольких десятилетий и пережившей колоссальную трансформацию системы международных отношений. Фундаментальные сдвиги в области мировой политики и экономики конца предыдущего столетия – начала 2000-х гг., а также рост Китая, Индии, возвращение России в орбиту геополитически значимых сил, очередной виток эскалации противоречий на Ближнем Востоке дали импульс к складыванию новой архитектуры международных отношений, которая, вероятнее всего, будет построена на союзах подвижной конфигурации. В этих условиях изучение опыта взаимодействия Европейского союза со странами, географически объединенными в одно пространство, но при этом имеющими абсолютно разные традиции государственного, политического, социально-экономического строительства, приобретает особое значение.

Осмысление интеграционной политики Европейского союза в Юго-Восточной Европе актуально не только для понимания региональных сюжетов международных отношений и направлений развития европейской интеграции, но и для оценки мировых трендов во взаимоотношениях ЕС с глобальными акторами. Применительно к Юго-Восточной Европе, повышение ее транзитного значения в начале 2000-х гг. обеспечило рост заинтересованности различных международных сил в региональных процессах. В результате ЕС перестал быть исключительной влиятельной внешней силой, хотя по-прежнему остается единственной, предлагающей концепцию качественной системной трансформации региона. Однако вопрос заключается в том, в какой степени концепция качественной трансформации теми ресурсами, которые сегодня находятся в распоряжении Брюсселя, остается актуальной и привлекательной для Юго-Восточной Европы, а в какой – движение в направлении сближения с ЕС является для балканских политических элит инерционным.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется и тем, что на преодолении традиционных черт исторического и национального развития и применении структурно идентичных методов европеизации, используемых Брюсселем для того, чтобы стабилизировать и модернизировать то или иное геополитическое пространство, построена политика ЕС в отношении стран Восточного партнерства, Средней Азии, Средиземноморья. В отдельных случаях она подменяет собой решение повседневных проблем безопасности, имеющих для соответствующего геополитического пространства весомое значение. Поэтому рассмотрение результатов присутствия ЕС в Юго-Восточной Европе актуально и в свете построения проекций на другие регионы.

Объектом исследования является балканское направление международной деятельности Европейского союза в комплексе внутренних и внешних взаимосвязей в Юго-Восточной Европе. **Предмет исследования** – особенности и пределы интеграционной политики ЕС в отношении государств постъюгославского пространства.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала переговоров между Европейским экономическим сообществом и Социалистической федеративной республикой Югославией о торгово-экономическом сотрудничестве во второй половине 1960-х гг. Тогда, в результате первых шагов по складыванию единого экономического пространства, ЕЭС потребовалось формирование политики Сообщества в отношении соседей. Со своей стороны, СФРЮ, в силу своего внеблокового статуса и геоэкономических факторов, оказалась подходящим объектом для демонстрации гибкости и преимуществ капиталистического блока, что привело к оформлению первых торгово-экономических соглашений между ЕЭС и социалистической страной в 1970 г. Хотя с этого момента прошло полвека, членами Европейского союза из стран бывшей Югославии, а также в целом Юго-Восточной Европы стали только Словения (2004 г.), Болгария и Румыния (2007 г.) и Хорватия (2013 г.). Для остальных государств региона процесс евроинтеграции продолжается, что придает верхней границе данного исследования условный характер и служит основанием для рассмотрения дальнейших перспектив его эволюции.

Гипотеза исследования состоит в том, что отношения с ЕЭС/ЕС и сама европейская интеграция на протяжении периода, начиная со второй половины 1960-х гг. и до настоящего времени, были и остаются непреложным фактором внутренней и внешней политики сначала Югославии, а потом ее бывших республик. При этом политика как ЕЭС, так и ЕС в отношении Югославии, за исключением периода конца 1990-х – 2000-х гг., не была общей, а ее существенную часть составляла секьюритизация пространства от внутренних и внешних угроз.

Хотя в начале 2000-х гг. лидирующая роль ЕС в модернизации Юго-Восточной Европы не оспаривалась ни одним международным актором, особенности интеграционной политики ЕС в отношении государств постъюгославского пространства не позволили полноценно реализовать политику их европеизации и последующей интеграции. В настоящее время в условиях изменившейся архитектуры международных отношений применение механизмов европеизации, разработанных в период однополярности, не может дать ЕС закладываемый в них результат. В ряде случаев оно порождает противоположные последствия, указывая тем самым на пределы интеграционной политики ЕС.

Учитывая геополитические интересы и активность других региональных и глобальных акторов в Юго-Восточной Европе, служащие её другим важным ограничителем, итогом интеграционной политики ЕС в отношении государств постъюгославского пространства с высокой вероятностью станет изменение форматов интеграции в сторону более гибких и подвижных конфигураций, при усилении объединяющей роли НАТО и снижении акторности ЕС.

Цель исследования – установить особенности и пределы интеграционной политики ЕС в отношении государств постъюгославского пространства со второй половины 1960-х гг. по настоящее время.

Поставленная цель требует решения следующих **научных задач**:

- рассмотреть теоретические подходы к изучению интеграции и сформулировать теоретические основания исследования интеграционной политики в условиях полиакторной системы международных отношений;

- выявить специфику взаимоотношений Европейского сообщества с СФРЮ, а также фактор ЕЭС в усугублении кризисных тенденций в СФРЮ и роль ЕС в событиях югославского кризиса, с целью установить взаимосвязь между историческими особенностями их взаимодействия и основаниями политики ЕС, реализуемой с начала XXI века в Юго-Восточной Европе;

- сформулировать особенности и показать специфику политики европеизации в отношении государств постъюгославского пространства;

- выявить факторы, которые оказывают влияние на интеграционную политику ЕС в отношении государств постъюгославского пространства;

- проследить основные результаты интеграционной политики ЕС в отношении государств постъюгославского пространства;

- проанализировать ключевые особенности политики региональных и глобальных международных сил в Юго-Восточной Европе и установить, каким образом их присутствие и активность влияют или могут повлиять на интеграционную политику Европейского союза;

- показать, как общий контекст отношений ЕС с ведущими мировыми и региональными игроками сказывается на ситуации в Юго-Восточной Европе и акторности самого Европейского союза.

Положения, выносимые на защиту:

1. В условиях изменения современной архитектуры международных отношений и активизации в Юго-Восточной Европе целого ряда международных акторов, имеющих свою историю и традиции взаимодействия с государствами региона, а также по-своему видящих его границы, Европейский союз вынужден в целях собственной секьюритизации выступать с реалистских позиций. Поэтому для теоретического осмысления феномена европейской интеграции классические теории оказываются недостаточными. Для комплексного исследования современных интеграционных процессов необходимо сочетание либерально-конструктивистских подходов с реалистскими. Оптимальным выбором является синтетическая теория неоклассического реализма. Её соединение с конструктивистскими теориями делает возможным исследование современной интеграционной политики ЕС не как находящейся в вакууме, а в совокупности международных связей и отношений. Это позволяет преодолеть ограниченность прежде использовавшихся по отдельности теоретических подходов.

2. Несмотря на то что СФРЮ была первым социалистическим государством, установившим официальные взаимоотношения с ЕЭС в 1970 г., и Белград, и Брюссель воспринимали сотрудничество в парадигме реализма и собственной

безопасности, а не с точки зрения возможной интеграции. В этом смысле СФРЮ не была «пионером» евроинтеграции в ряду постсоциалистических стран.

3. Экономический кризис в качестве важнейшего фактора, спровоцировавшего распад СФРЮ, был обусловлен не только несовершенством и структурной деформацией югославской экономической модели, но и политикой, проводимой ЕЭС в отношении Югославии. Особое место занимало то, каким образом на практике действовали Соглашения о сотрудничестве между ЕЭС и СФРЮ, структура и форматы инвестирования в югославскую экономику. На финальном этапе, предшествующем распаду СФРЮ, позиция ЕЭС в отношении реформ правительства А. Марковича не только вводила в заблуждение само союзное руководство Югославии, но и породила предположения о том, что Запад ожидает более сильного и авторитетного лидера, способного сохранить единство страны. В итоге позиция ЕЭС, провоцируя углубление противоречий между республиканскими лидерами, не только ускорила распад Югославии, которого Сообщество на данном этапе не желало, но и стимулировала появление С. Милошевича со всей спецификой его политической позиции.

4. Роль ЕС в югославском кризисе была обусловлена процессом перехода от Европейского политического сотрудничества к Общей внешней политике и политике безопасности и в целом трансформации из Сообщества в Союз. Не сумев проявить своей акторности в качестве эффективного медиатора в кризисе, ЕС к 1997 г. разработал комплексную стратегию стабилизации региона Юго-Восточной Европы, для которой требовались наличие демократических политических режимов и купирование острой фазы этно-территориальных противоречий. Поэтому европейский консенсус в отношении Косова в 1999 г. обеспечило не только признание ведущей роли НАТО в урегулировании югославского кризиса, но и понимание со стороны ЕС, что его стратегическим интересам отвечает скорейшее достижение относительного мира и наличие демократических и лояльных ему политических режимов. Сами же эти интересы виделись в расширении объединения и утверждении своего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе.

5. В свете своей новой акторности и успешной интеграции ЦВЕ Европейский союз решил распространить опыт на Юго-Восточную Европу. Брюссель стремился обеспечить собственную программу путем построения «сообщества безопасности» в регионе через его европеизацию. Однако неучтенные Брюсселем особенности постконфликтного примирения и государственного строительства стран региона, выбор соревновательного трека интеграции (принцип «регаты») повлекли за собой торможение интеграционных процессов. Применение одинаковых механизмов европеизации к государствам с принципиально разной внутренней спецификой показало свою низкую эффективность. В условиях изменения архитектуры международных отношений это спровоцировало стагнацию европейской интеграции, ренационализацию политики ЕС в регионе, что свидетельствует о частичной потере акторности Союза.

6. Процесс европеизации стран бывшей Югославии, помимо вышеперечисленных факторов, был осложнен рядом внутренних и внешних вызовов, которые с течением времени трансформируются в пределы интеграционной политики ЕС. Внутренние вызовы можно разделить на две категории: связанные с субрегиональной спецификой Юго-Восточной Европы и вызванные особенностями внутри ЕС. К первым относятся: низкий уровень социально-экономического развития; проблема оттока трудоспособного и активного населения; одновременный рост авторитарных тенденций и протестных настроений во внутренней политике; проблема организованной преступности. Вторые составляют: изначально ложная посылка политики европеизации в Юго-Восточной Европе, согласно которой перспектива вступления в ЕС была самодостаточным стимулом для запуска внутренней модернизации региона; миграционный кризис 2015 г., обнаживший проблему ответственного взаимодействия по вопросам безопасности как внутри ЕС, так и в его подбрюшье; трансформация целей и задач Великобритании в связи с Брекзитом. Немаловажную роль играет и общий скепсис в отношении перспектив и возможностей дальнейшего расширения ЕС, характерный как для граждан Юго-Восточной Европы, так и для граждан и политических элит ЕС.

7. Интеграционная политика Европейского союза в Юго-Восточной Европе имеет и ряд серьёзных «внешних» ограничителей в виде акторности других международных сил в регионе. К их числу относятся акторы, имеющие, применительно к Юго-Восточной Европе, региональное значение – Турция, Греция и арабо-мусульманский мир (присутствие на Балканах стран Персидского залива и негосударственных структур, имеющих связь с ними). Помимо региональных, в Юго-Восточной Европе свою акторность реализуют и международные силы глобального значения – США, КНР и Россия, что объективно влечёт за собой столкновение интересов ЕС с решаемыми ими задачами. Их вовлечённость в дела этой части Европы, нарастающая или активно поддерживаемая, обуславливается ростом транзитного и усилением геостратегического (как перекрестья Европы и Ближнего Востока) значения региона.

8. На разных этапах Греция и Турция воспринимались Европейским союзом в качестве проводников интересов Брюсселя в регионе. В начале XXI века инструменты «экономической дипломатии» Греции и политика «нулевых проблем» в отношениях с соседями, реализуемая Турцией, позволили обеспечить обеим странам стабильное присутствие в регионе и определенный уровень политического влияния, гарантирующий безопасность инвестиций. Оба государства до начала 2010-х гг. активно способствовали продвижению европейской интеграции в регионе. Греция – в качестве члена Европейского союза и модели успешно интегрировавшегося в ЕС южно-европейского государства; Турция – как последовательный евроатлантический партнер и быстро развивающийся сосед, способный не только оказывать влияние на мусульманское население региона, но и осуществлять посредничество в диалоге Белграда с бывшими югославскими республиками. Страны Персидского залива, чье присутствие в Юго-Восточной

Европе традиционно воспринималось Брюсселем только в категориях продвижения идеи радикального ислама, с конца первого десятилетия XXI века, наряду с религиозно-просветительской деятельностью, усилили инвестиционную активность. Она имеет свою специфику и географические области, в зависимости от конкретных стран и даже эмиратов (в отношении ОАЭ) и закладывает основу под более масштабную акторность арабо-мусульманского мира в Европе. Кризис в Греции и способы его урегулирования, примененные ЕС, сделали невозможным дальнейшее системное использование инструментов «экономической дипломатии» и статуса «успешной модели интеграции». Нарастание противоречий Анкары с евроатлантическими партнерами и отсутствие перспективы вступления в ЕС, как и специфика внутривосточной ситуации снижают стремление Турции действовать в русле европейских интересов на Балканах. При этом, хотя Анкара в гораздо большей степени занята ближневосточным вопросом, чем балканским, политика, проводимая ею в 2000-е гг. на Балканах, обеспечила определенный уровень влияния вне зависимости от политических и экономических контекстов в регионе. Однако указанные тренды не противоречат на сегодняшний день видению перспективы европейской интеграции Юго-Восточной Европы как отвечающей стратегическим интересам Греции, Турции и стран Персидского залива. Возможность сохранения или изменения данной позиции полностью зависит от направлений развития двухсторонних отношений данных акторов с Брюсселем и общего контекста архитектуры международных отношений в Европе.

9. Присутствие глобальных акторов – США, России и КНР – в Юго-Восточной Европе существенно влияет на интеграционную политику Европейского союза. Для Вашингтона, традиционно считающегося партнером ЕС в Балканском регионе, самоценность Юго-Восточной Европы как направления внешней политики не очевидна. США рассматривают регион в контексте их совокупного присутствия в Европе и возглавляемой НАТО системы безопасности. В этой связи последовательная натоизация Юго-Восточной Европы должна анализироваться в двух направлениях: как завершающая стадия процесса закрепления комплексного присутствия США в Европе и как создание географического пространства наиболее зависимых и последовательных сторонников Вашингтона на случай углубления противоречий с традиционными западноевропейскими союзниками по НАТО и Турцией. Поэтому процесс расширения НАТО и присутствия США в Юго-Восточной Европе можно рассматривать в качестве автономного от европейской интеграции. Это не отвечает стратегическим интересам ЕС, связанным с удержанием постъюгославского пространства в спектре своего геополитического влияния. КНР является на сегодняшний день единственной державой мирового значения, предлагающей и свой собственный трансрегиональный геополитический проект (инициатива «Пояс и Путь»), в котором Юго-Восточная Европа является органической частью, и собственные границы региона (проект 17+1 после добавления Греции). Это принципиально выделяет Китай в ряду всех других международных сил. Необходимо также учитывать, что его инициатива предлагает выстраивание трансрегиональных

цепочек, дает необходимые инвестиции и транспортно-логистическую инфраструктуру, закладывает потенциал под решение проблем социально-экономического характера, наиболее остро стоящих в Юго-Восточной Европе. Одновременно с этим Пекин не чувствителен к вопросам политического характера. В сумме это делает именно КНР основным конкурентом и «ограничителем» европеизации Юго-Восточной Европы в том виде, в котором это представляется Брюсселю. Наконец, акторность России и в истории, и на современном этапе существенно сложнее, чем выполнение функции «спойлера» европейской политики, каким Москва ошибочно считается в западном мире. Восприятие политики России в регионе преимущественно в русле цивилизационной общности, характерное для США, также неверно. С каждой из стран региона Москва имеет свою, весьма разнообразную конфигурацию отношений. Её специфика заключается в отсутствии комплексной общерегиональной стратегии и преимущественной опоре на двухсторонние отношения. В качестве связующего звена выступает энергетический сектор. С одной стороны, изменение позиции Брюсселя по российскому газовому экспорту является негласным подтверждением того, что обеспечить экономическую стабильность Балканского региона без России невозможно. С другой стороны, снижение удельной доли российских инвестиций, которое может произойти в результате активизировавшегося давления на страны региона со стороны Запада, настаивающего на нежелательности их сотрудничества с Москвой, приведет исключительно к повышению инвестиционного присутствия других международных сил. В результате секьюритизации интересов Европейского союза путем вытеснения других международных сил и в условиях сохранения евроатлантической связки его акторность или понизится, или сохранится, но не увеличится.

Методология исследования. Специфика выбранной темы потребовала совместить политологический и исторический материал, вследствие чего в работе активно используются методы на стыке двух соответствующих наук. Диссертация построена на общенаучных **принципах научной объективности и системности**.

➤ В рамках анализа внешней политики региональных и глобальных акторов были применены **методы анализа внешней политики (Foreign policy analysis): метод кейс-стади** при изучении подходов европейских стран к югославскому кризису; **метод архивных исследований** - при рассмотрении отношений СФРЮ и ЕЭС. При рассмотрении политики государств автор руководствовался **моделью рациональных акторов**, в которой государство и его институты являются основными объектами анализа. Европейский союз также трактуется в качестве рационального актора в силу того, что он состоит из государств-рациональных акторов.

➤ **Системный подход** позволил исследовать интеграционную политику не только в традиционных рамках анализа достижений и провалов стран-кандидатов в их взаимодействии с Брюсселем, но и представить ее в комплексе неразрывных внутренних и внешних (международных) взаимосвязей.

➤ *Акторный подход* был применен при рассмотрении внешних пределов интеграционной политики ЕС в Юго-Восточной Европе.

➤ *Метод факторного анализа* использовался при изучении внешней политики Европейского союза, европейских стран, региональных и глобальных игроков региона.

➤ На применении *сравнительного метода* построено исследование интеграционных инструментов Европейского союза по отношению к различным республикам бывшей Югославии, в частности Сербии и Хорватии, и особенностей их имплементации.

➤ При изучении феномена внутренней трансформации в государствах бывшей Югославии использовался *феноменологический метод*.

➤ *Бихевиористский метод* позволил разобрать современные внутриполитические тенденции, в частности, причины роста авторитаризма в большинстве стран Юго-Восточной Европы в контексте европейской интеграции. Кроме того, он помог понять и причины постоянных внутренних противоречий в коалиционных правительствах Сербии на протяжении 2000-х гг., а также корни ренационализации интеграционной политики ЕС во второй половине 2010-х гг.

➤ Многочисленность и разный статус источников информации, использованных при написании диссертации, обусловили применение *метода сопоставительного подтверждения достоверности сведений*. С помощью данного метода автор агрегировала информацию из различных, взаимно независимых источников, что позволило устранить «интерпретационные шумы» и политизированность ряда источников и литературы, связанные с острой политической актуальностью выбранной темы исследования.

➤ При изучении документов, в том числе неопубликованных, применялся *метод историзма*. *Историко-описательный, историко-сравнительный, историко-генетический* применяются во второй, исторической главе работы, для рассмотрения эволюции отношений Европейского сообщества и Югославии, а также внутренних политических и социально-экономических процессов в Югославии.

Совокупность примененных методов позволяет отнести работу к международно-политическим, а не историческим исследованиям. Органическое сплетение и реализация исторических и политологических задач обусловили как теоретическую, так и практическую новизну исследования.

Источниковая база исследования

Использованные в диссертации источники являются многоаспектными. Они представляют собой комплекс информации, критический анализ которой позволил полным и объективным образом решить поставленные в исследовании задачи.

Важнейшими источниками для изучения эволюции взаимоотношений социалистической Югославии и Европейского сообщества стали *неопубликованные документы и материалы, полученные автором в рамках исследовательской работы в Архиве Югославии* (фонды «Аппарата главы государства» (Кабинет Председника), Союзного правительства (Савезно извршно

веће) и Центрального комитета Союза коммунистов Югославии (ЦК СКЈ) за 1966 – 1984 гг.) и *Архиве Министрства иностранных дел Республики Сербии* (фонд «Политический архив», референтура «Европейское сообщество» за 1969 – 1980 гг.)

Для исследования эволюции антикризисной политики ЕС использовались *документы по внешней политике Европейского союза*, которые публикуются в Бюллетене Европейского политического сотрудничества 1985-1994 гг. и на сайте архива европейской интеграции.

Отдельную группу источников составляют документы, связанные с развитием институциональных и инструментальных параметров интеграционной политики Европейского союза в отношении стран Центральной и Юго-Восточной Европы после Маастрихтского договора, а также нормативные документы, заложившие переход от ЕПС к ОВПБ. К ней же примыкают ежегодные аналитические отчеты Европейской Комиссии о прогрессе стран западно-балканского региона на пути вступления в Европейский союз.

Для изучения позиции ЕЭС/ЕС в югославском кризисе использовались *тематические сборники документов*¹.

Определенную ценность имели *документы, опубликованные на официальных сайтах министерств иностранных дел*, в том числе, ведомств или департаментов, отвечающих за европейскую интеграцию, стран Балканского региона, а также выступления, заявления, интервью и публикации глав государств и правительств ЕС, высокопоставленных представителей дипломатических ведомств, влиятельных членов национальных партий стран региона.

Отдельное место в исследовании заняли *материалы слушаний в Конгрессе США*. Часть из них была получена автором в ходе научно-исследовательской стажировки в Гарвардском университете (материалы за 1990-е – начало 2000 гг.). Стенограммы отдельных заседаний есть в открытом доступе на сайте библиотеки Конгресса США.

Важную роль сыграли *статистические источники*: материалы «Евробарометра», исследования общественного мнения Гэллапа, отдельные социологические исследования, проведенные зарубежными, преимущественно, балканскими аналитическими центрами.

Много полезного для целей исследования дало изучение *дневников, воспоминаний, статей и выступлений непосредственных участников рассматриваемых в работе событий*.

¹Албанский фактор кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 2 (1998-1999 гг.). М.: Индрик. 2007. 384 с.; Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 3. М. 2000. 287 с.; Югославия в огне: документы, факты, комментарии (1990 - 1992). Отв. ред. Гуськова Е. Ю. М.: Экспертинформ. 1992.; Зборник докумената из области одбране и безбедности Југославије 1990-1991. године [приредили Славољуб Шишић, Златоје Терзић, Никола Петровић]. Београд: Војноиздавачки завод. 2002. 629 с.; Srpske političke elite i Londonska konferencija. Dokumenta sa Londonskoj konferencije o bivšoj Jugoslavije i zasedanja Generalne skupštine Ujedinjenih Nacija uz stenografske beleške sa sednica Saveta za usaglašavanje stavova o državnoj politici Savezne Republike Jugoslavije. Priredio Vladimir Petrović. Tom 1. 2. Institut za savremenu istoriju: Akademska misao. 2016. 270 p.

В диссертации используются *материалы периодических изданий* как отечественных, так и зарубежных СМИ. Особую ценность имеет тематическая подборка материалов югославской прессы по вопросам взаимоотношений с Европейским сообществом, составленная автором в Архиве издательского дома «Борба» и охватывающая период с конца 1980-х по 2008 г. В работе использованы также материалы, опубликованные в периодических изданиях и прессе, в частности газетах «Политика», «Данас», «Борба», «Vreme», еженедельнике «НИН» в период с начала 1970-х до 2000 г., собранные автором в Народной библиотеке Республики Сербии. По комплексу современных внутренних и внешних процессов в регионе можно выделить публикации электронного новостного и аналитического ресурса Balkan Insight.

Степень научной разработанности темы

Литературу, в которой нашли отражение объект и предмет исследования, можно подразделить на несколько тематических разделов.

Работы, посвященные истории политического и экономического взаимодействия рассматриваемых акторов:

Несмотря на то, что Югославия была первым социалистическим государством, начавшим сближение с Европейским сообществом, в отечественной и мировой историографии практически нет работ, посвященных их взаимодействию в период до распада СФРЮ. Отдельные вопросы взаимоотношений Белграда с западноевропейскими странами в контексте его роли в «движении неприсоединения» рассматриваются Б. С. Новосельцевым². Подробная реставрация процесса переговоров между ЕЭС и СФРЮ с конца 1960-х до 1980 г. дана Б. Заккарией³. Роль медиа и югославской диаспоры из ЕЭС в рамках взаимодействия ЕЭС и СФРЮ анализируется в монографии Б. Раделича⁴.

Специфика торговых отношений СФРЮ с государствами ЕЭС в период 1970-х – 1980-х гг. освещается в статьях П. Артиззена⁵ и видного югославского экономиста О. Ковача⁶. Вопросы правового взаимодействия ЕЭС и СФРЮ были отражены в югославских научных журналах «Международные проблемы»⁷ и «Экономическая мысль»⁸ того периода.

² Новосельцев Б. С. Внешняя политика Югославии 1961 – 1968 гг. М.: Институт славяноведения. 2015. 352 с.

³ Zaccaria B. The EEC's Yugoslav Policy in Cold War Europe, 1968—1980. L.: Palgrave Macmillan. 2016. 208 p.; Zaccaria B. Under the Shadow of the Soviet Union: the EEC, Yugoslavia and the Cold War in the long 1970s // In: The Balkans in the Cold War edited by Svetozar Rajak, Konstantina E. Botsiou, Eirini Karamouzi, Evanthi Hatzivassiliou. L.: Palgrave Macmillan. 2017. 372 p.

⁴ Radeljic B. Europe and the Collapse of Yugoslavia: The Role of Non-State Actors and European Diplomacy. L., I. B. Tauris. 2012. 255 p.

⁵ Artisien P., Buckley P. Joint ventures in Yugoslavia: opportunities and constraints // Journal of International Business Studies. Vol. 16. No. 1. 1985. P. 111-135.; Artisien P., Holt Stephen Yugoslavia and the E.E.C. in the 1970s // Journal of Common Market Studies. Volume 18. Issue 4. June 1980. P. 35 -369.

⁶ Kovač O., Popović T. Yugoslavia and the European Union: the past and the future. Belgrade. 1996. 184 s.; Kovač O., Evropa 1992. Moguće posledice i opcije za Jugoslaviju Beograd: Savremena administracija. 1990. 232 str.

⁷ Đurđević O. Hronologija odnosa SFRJ – EEZ 1962 – 1986 // Međunarodni problem. 1987. №2. Str. 195 -208. Jovanović S. Mogućnosti i granice unapređivanja odnosa Jugoslavije I Evropske ekonomske zajednice // Međunarodni problemi. 1987. N4. Str. 447–462.; Kovačević G., Spoljnotrgovinska saradnja Jugoslavije sa EEZ //

Отечественные ученые дали комплексный обзор внутренних реформ в условиях международного контекста конца 1980-х гг. в сборнике, подготовленном в 1990 г. сотрудниками АН СССР и изданном ИНИОН АН СССР в начале 1991 г. – «Опыт друзей: реформы конца 80-х годов в Югославии»⁹.

Работы, посвященные причинам распада Югославии, югославскому кризису и политике международного сообщества, в частности Европейского союза в отношении его урегулирования:

Центральное место в изучении процессов в Югославии в отечественной науке принадлежит Институту славяноведения РАН. Описание истоков кризиса, анализ процесса международного миротворчества в контексте общеевропейских проблем дается в трудах В. К. Волкова, К. В. Никифорова, Е. Ю. Гуськовой, М. Ю. Мартыновой¹⁰. Детальное объяснение неуспешности применения антикризисных инструментов ЕЭС/ЕС представлено в монографии Е. Ю. Гуськовой «История югославского кризиса» и более поздних работах автора. В них делается вывод о том, что международное посредничество и силовой вариант урегулирования конфликта не смогли развязать узел балканских противоречий. Переходом от ЕПС к ОВПБ и отсутствием опыта и действенных механизмов урегулирования конфликтов подобной интенсивности объясняет провал европейского миротворчества В. С. Глушко¹¹. Политика отдельных стран-членов ЕС в югославском кризисе высвечивается в трудах отечественных исследователей Т. Н. Андреевой, О. А. Барабанова, Т. В. Беляковой, Н. К. Меден, Ю. М. Павлова, Ю. И. Рубинского и др., а также зарубежных – Б. Алendara, П. Симича, К. Джонса¹².

Međunarodni problem. 1987. № 2-3. Str. 48-51.; Marković M. Pravni aspekti protekcionizma sa posebnim osvrtom na odnose SFRJ – EEZ Doktorska disertacija. Novi Sad. 1990. 127 Str.

⁸ Barlet V., Uvalić M. Aktuelni problemi spoljnotrgovinskih odnosa između Jugoslavije i Evropske ekonomske zajednice // Ekonomska misao. 1986. № 2. Str. 69-81.

⁹ Опыт друзей: реформы конца 80-х годов в Югославии. Выпуск 2. М.: ИНИОН АН СССР. 1991. 210 с.

¹⁰ Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы / под ред. В. К. Волкова; Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения. М.: Индрик. 2000. 368 с.; Гуськова Е. Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. М.: ИНИОН. 1998. 155 с.; Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990-2000) М.: Русское право. 2001. 717 с.; Гуськова Е.Ю. Урегулирование на Балканах: от Бриони до Дейтона (Мирные планы 1991-1995 гг.). М.: ИНИОН. 1998. 66 с.; Гуськова Е.Ю. Вооружённый конфликт и политическое урегулирование: Кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX в. Ч. 1 // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 83-100.; Мартынова М. Ю. Этнические аспекты современного балканского кризиса. Диссертация на соискание степени д.и.н. М. 1996.

¹¹ Глушко В. С. Политика Европейского Союза (Европейских Сообществ) в отношении югославского кризиса (1991-1995 гг.). Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Екатеринбург. 2002. 274 с.

¹² Абрамов А. В. Подход к урегулированию этнополитических и этноконфессиональных конфликтов на постюгославском пространстве. Диссертация на соискание ученой степени к. полит. н. М. 2006. 180 с.; Андреева Т. Н. Англо-французское сотрудничество в политических интеграционных процессах Западной Европы (1980-е – 1990-е). Диссертация на соискание ученой степени к. и. н. М. 2001. 289 с.; Барабанов О. А. Послевоенные формы внешнего вмешательства в кризисные процессы на территории БиГ (1995–2008) и СРЮ (1999–2008). Диссертация на соискание ученой степени к. и. н. М. 2018. 461 с.; Гросс Е. Н. ФРГ и Балканский кризис на рубеже XX – XXI вв. Диссертация на соискание ученой степени к. и. н. Тула. 2007. 202 с.; Барабанов О.А. Европейское сообщество и югославский кризис 1990-1993 гг. // Омский научный вестник. 2013. № 2 (116). С. 26-30; Белякова Т. В. Внешняя политика Германии в отношении Европейского Союза после прихода к власти кабинета Г. Шрёдера // Актуальные проблемы Европы. 2000. № 3. С. 255-264; Меден Н.К. Роль Германии в признании и становлении независимого Косово // Косово: прошлое, настоящее,

Как деструктивную оценивает политику международного сообщества в югославском кризисе С. Вудвард¹³. Основную критику за обострение кризиса в СФРЮ адресует республиканским элитам Л. Коэн¹⁴, считая при этом европейскую политику неудачной импровизацией. Кризис идеологии югославизма и непонимание ЕЭС внутренней природы югославских проблем подробно анализируются А. Павковичем и Р. Накарадой. Эта идея в дальнейшем была развита в трудах С. Лукарелли, К. Бешку и Д. Маролова¹⁵. Хорватское видение югославского кризиса и роли международного сообщества в его событиях представлены в вышедших недавно работах Й. Глаурдича и М. Давора¹⁶.

Работы, посвященные отдельным аспектам взаимодействия ЕС со странами региона:

Профессор МГИМО (У) МИД России Е. Г. Пономарева¹⁷ посвятила ряд работ политическому развитию постъюгославских стран, которые помогают осмыслить произошедшие в конце XX века события на Балканах, сделать выводы о традиционности внутренних модернизационных процессов в регионе с активным участием внешнего фактора. Другие её труды отражают внутренние процессы в современной Боснии и Герцеговине¹⁸ и стали важным материалом при оценке

будущее / Отв. ред. С. А. Романенко, Б. А. Шмелев. СПб.: Алетейя. 2012. 241 с.; Павлов Ю., Погорельская С. Миропорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. М.: Добросвет. 2000. 288 с.; Рубинский Ю.И. Политика западноевропейских держав в отношении косовского конфликта // Косово: международные аспекты кризиса / Под редакцией Д.Тренина и Е.Степановой. М: Московский Центр Карнеги. 1999. 309 с.; Стрельцова Я.Р. Почему Франция признала независимость Косово? // Косово: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. С. А. Романенко, Б. А. Шмелев. СПб.: Алетейя, 2012. 241 с.; Jones C. D. France and the Dissolution of Yugoslavia. Doctor thesis University of East Anglia. 2015. 364 p.; Alendar B. Uloga Evropske Unije u jugoslovenskoj krizi Jugoslavija i postbipolarni svet. Beograd. 2000. 317 str.; Симић, П. Пут у Рамбује. Београд: Неа. 2000.365 str.; Simić P. Francuska i Nemačka pred jugoslovenskom dilemom // Međunarodna politika, Beograd. Godina XLV. 1994. № 1023. Str. 1-5.

¹³ Woodward S. L. Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War. Washington: Brooking Institutions Press, 1995. 536 p.

¹⁴ Cohen L. J. Broken Bonds: Yugoslavia's Disintegration and Balkan Politics in Transition. 2nd edition. NY: Routledge. 1995. 440 p.

¹⁵ Pavkovic A. The Fragmentation of Yugoslavia. Nationalism in a Multinational State. NY: Palgrave Macmillan. 1997. 244 p.; Nakarada R. Raspad Jugoslavije: problemi tumačenja, suočavanja i tranzicije. Službeni glasnik. 2008. 294 str.; Beshku K. The European Union's Normative Role in the Dissolution of the ex-Yugoslavia: An underestimated contribution // Law journal. January 2018. 5. P. 1- 15; Lucarelli S. The European Response to the Yugoslav Crisis Story of a Two-Level Constraint // EI Working paper RSC No. 95-37. 1995. 41 p.; Marolov D. The EU policy towards the dissolution of Yugoslavia. Special emphasis on the EU policy towards the Republic of Macedonia // Analytical journal. January 2012. 4(2). 22 p.

¹⁶ Glaurdić J. Čas Europe: Zapadne sile i raspad Jugoslavije. Zagreb: Mate. 2011. 435 str.; Davor M. Hrvatska 1989-1992 ađanje države. Zagreb: Hrvatski institut za povest. 2017. 657 str.

¹⁷ Пономарева Е. Г. Новые государства на Балканах. М.: Издательство МГИМО-Университет. 2010. 252 с.; Пономарева Е. Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М.: Издательство МГИМО-Университет. 2007. 233 с.

¹⁸ Пономарева Е. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16). С. 64-75; Пономарева Е. Г., Димитровска А. Противодействие терроризму и экстремизму. Опыт Балканских стран // Обозреватель. 2018. №10 (345). С. 37-54; Пономарева Е. Г. Параметры государственной состоятельности: Босния и Герцеговина // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 86-95; Пономарева Е., Попадьева Т. Босния и Герцеговина: этнополитический фактор проблемной государственности // Обозреватель. 2018. № 10. С. 63-76; Пономарева Е. Г. Балканская политика Российской Федерации: в поисках потерянного времени? // 25 лет внешней политики России: сб. материалов X Конвента

успешности и пределов интеграционной политики ЕС в отношении этого образования. Точка зрения, согласно которой ЕС не стремится включить регион в свои ряды, а также отдельные аспекты текущих внутренних и внешних процессов на Балканах представлены в статьях П. Е. Канделя¹⁹.

Процессы внутривосточных трансформаций в отдельных странах региона под влиянием внешнего фактора исследуются в работах А. А. Пивоваренко, Г. Н. Энгельгардта и Е. Г. Волковой (Энтиной)²⁰. Вклад в разработку проблемы евроинтеграции Балкан и их места в системе европейской безопасности представляют публикации П. С. Соколовой²¹ и А. А. Язьковой²².

Парадигма официального ЕС во взглядах на внутренние и внешние процессы в регионе дана в работах Ф. Бибера²³. Многочисленные статьи Д. Бечева, как и его

РАМИ. Т. 1. Внешняя политика России: глобальное и региональное измерения. В 2 ч. Ч. 1. М.: МГИМО-Университет. 2017. С. 486-502.

¹⁹ Кандель П. Е. Балканы в ожидании Трампа // Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Ч. II. / Отв. редакторы Е. А. Маслова, О. Ю. Потемкина. М.: ИЕ РАН. 2017. С. 71- 75.; Кандель П. Е. Балканы: «Праздник непослушания» // Европейская аналитика 2017 / Отв. ред. К.Н. Гусев. СПб.: Нестор-История. 2017. С. 142 – 152; Кандель П.Е. Босния и Герцеговина, ЕС и НАТО // Вестник МГИМО. 2011. № 1 С. 77-86.; Кандель П. Е. Брюссельские стратеги и балканские реалии // Современная Европа. 2018. №7. С. 122-127; Кандель П. Е. Грозит ли Балканам дестабилизация? // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. №3. С. 50-58; Кандель П. Е. Западные Балканы между «Старой» и «Новой Европой»// Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях / Отв. ред. Л. Н. Шишелина. XII международная конференция. М.: ИЕ РАН. 2018. С.147-153; Кандель П.Е. О «цветных» и «бесцветных» революциях в Юго-Восточной Европе // Экспорт демократии» и сетевые технологии в современном социально-политическом процессе. М.: Фонд исторической перспективы. 2017. С. 114-121; Кандель П. Е. Что нового в Стратегии ЕС на Западных Балканах? // Современная Европа. 2018. №5. С. 17-24; Кандель П. Е. Экспоненты политической альтернативы на Балканах // Партии и движения политической альтернативы в современной Европе / Отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: ИЕ РАН, 2018. С. 128-132.

²⁰ Пивоваренко А. А. Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX – начало XXI века. М.: Институт славяноведения РАН; Спб.: Нестор История. 2018. 407 с.; Волкова (Энтина) Е. Г. Еще один путь в Европу: от нерушимой Югославии к неделимой Сербии. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2011. 210 с.; Волкова (Энтина) Е. Г. Европейский Союз как фактор преобразования партийной системы Сербии на рубеже XX-XXI веков. Диссертация на соискание ученой степени к. полит. н. Екатеринбург. 2009. 196 с.; Энгельгардт Г. Н. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.). Диссертация на соискание ученой степени к. и. н. М. 2015. 334 с.

²¹ Соколова П. Евро-атлантическая ориентация Западных Балкан // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 7. С. 37-47; Соколова П. К вступлению Хорватии в Европейский Союз. 2013. [Электронный ресурс] URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/comment/comm_2013_015.pdf; Соколова П.С. Балканский регион: на пути к стабилизации // Год планеты. 2004. С. 363-367; Соколова П.С. Балканская составляющая европейской безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 11. С. 17-26; Соколова П. С. Влияние кризиса на политику расширения ЕС: Западные Балканы // Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты) / Отв. ред Н. К. Арбатова и А. М. Кокеев. М.: ИМЭМО РАН. 2013. С. 31-48.

²² Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / под ред А. А. Язьковой. М.: Издательство «Весь Мир». 2007. 352 с.

²³ Bieber F. Post-War Bosnia: Ethnicity, Inequality and Public Sector Governance. London: Palgrave. 2006. 181 p.; Bieber F. Patterns of competitive authoritarianism in the Western Balkans // East European Politics. 2018. Vol. 34. № 3. P. 337-354; Bieber F., Irena Ristić I. Constrained Democracy: The Consolidation of Democracy in Yugoslav Successor States // Southeastern Europe. 2012. N 36 (3). P. 373–397; The Western Balkans in the World Linkages and Relations with Non-Western Countries. Edited by Florian Bieber and Nikolaos Tzifakis. London: Routledge. 2019.

монография²⁴, посвященная политике России в Юго-Восточной Европе, являются собой современный подход значительной части американских или американизированных интеллектуальных элит к оценкам политики ЕС и других международных акторов на Балканах. Он даёт критическую оценку как действиям ЕС в регионе в последние десять лет, так и собственно успехам балканских стран в процессе их трансформации. Вместе с тем Д. Бечев «предупреждает» регион и европейские политические элиты от роста влияния третьих сил и, прежде всего, России как основного «ограничителя» и «спойлера» европейской интеграционной политики.

Оценка взаимосвязи внутренних и внешних процессов в Югославии конца 1980-х гг. и современного Балканского региона представлена в работах Д. Йовича²⁵. Исследование партийной трансформации, социально-экономического положения в странах региона, межгосударственного диалога и нормализации отношений дается в статьях Д. Релича, В. Джихича, Х. Бутковича, А. Хацкая, С. Марушича, Д. Мандича, Г. Нутчевой, П. Симича, С. Антонича, А. Врачич, С. Суботича, А. Гаича и пр.²⁶.

²⁴ Bechev D. The Periphery of the Periphery: The Western Balkans and the Euro Crisis, ECFR Policy Brief, May, 2012 // European Council on Foreign Relations [Электронный ресурс] URL: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR60_WESTERN_BALKANS_BRIEF_AW.pdf; Bechev D. Between Enlargement and CFSP: the EU and the Western Balkans LSE European Foreign Policy conference 2-3 June 2004. London School of Economics [Электронный ресурс] URL: <http://www.lse.ac.uk/efpu/efpuconferencepapers2004/bechev>; Bechev D. Russia in the Balkans: How should the EU respond? Policy Brief // European Policy Centre. 12 October 2015. 4 p.; Bechev D., Andreev S. 'Social Capital and the EU Institution-Building Strategies for the Western Balkans,' unpublished working paper // Integrating the Balkans in the EU (IBEU) project. May 2004; Bechev D. The EU and Britain in the Western Balkans: Sustaining Cooperation after Brexit // Atlantic community. March 12, 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://atlantic-community.org/the-eu-and-britain-in-the-western-balkans-sustaining-cooperation-after-brexit/#>.

²⁵ Jovic D. Accession to the European Union and Perception of External Actors in the Western Balkans // Croatian International Relations Review. 2018. N 25 (83). pp. 6-32; Jovic D. Croatia and the European Union: a long delayed journey // Journal of Southern Europe and the Balkans. 2016. N 8 (1). P. 85-103; Jovic D. Problems of Early Post-Communist Transition Theory: From Transition from to Transition to // Politička misao. 2010. N 47:5. P. 44-68; Jovic D. Turning nationalists into EU supporters: the case of Croatia // Rupnik Jacques (ed.). The Western Balkans and the EU: 'the hour of Europe'. Chaillot Paper, 126. Paris: European Union Institute for Security Studies (EUISS). 2011. 186 p.

²⁶ Vracic A. The Way Back: Brain Drain and Prosperity in the Western Balkans // ECFR Report. 9 May 2018. [Электронный ресурс] URL: https://www.ecfr.eu/publications/summary/the_way_back_brain_drain_and_prosperity_in_the_western_balkans#ftn11; Subotić Strahinja. Zapadni Balkan iz perspective Bregzita // CEPpogled. 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://cep.org.rs/wp-content/uploads/2018/12/Zapadni-Balkan-i-Bregzit.pdf>; Simić P. Teorija „bezbednosne zajednice” i širenje EU i NATO na Zapadni Balkan Izazovi evropskih integracija // Časopis za pravo i ekonomiju evropskih integracija. 2011. № 15. Str. 35-45; Гајић А.С. Евроатлантске Интеграције, Србија И Западни Балкан После «Брегзита»: Геополитичке Околности // Политика националне безбедности. 2018. 14 (1). С. 123-139.; Džihic V., Dieter S. Lessons from 'Post-Yugoslav' Democratization. Functional Problems of Stateness and the Limits of Democracy // East European Politics and Societies. 2012. N. 26 (2). pp. 239–253; Džihic V., Wieser A. Incentives for Democratization? Effects of EU Conditionality on Democracy in Bosnia & Hercegovina // EU conditionality in the Western Balkans, edited by F. Bieber. 2018. P. 1803-1825.; Mandić, D. Anatomy of a refugee wave: Forced migration on the Balkan route as two processes // Europe Now Journal. 05.01.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://www.europenowjournal.org/2017/01/04/anatomy-of-a-refugee-wave-forced-migration-on-the-balkan-route-as-two-processes/>; Hackaj Ardian, Madhi Gentiola, Hackaj Krisela. Monitoring the Berlin Process: From Paris to Trieste // Working Paper “Berlin Process Series”. Berlin Process/2/2017. 66 p.

Работы, посвященные политике региональных акторов в Юго-Восточной Европе:

Взаимоотношения Греции с Македонией, Албанией, вопросы «экономической дипломатии» Афин, а также влияния исторических особенностей греческой политики на региональные отношения исследуются в трудах Ю. Д. Квашнина, А. Улуныяна, Д. И. Зеликсона²⁷.

Наряду с отечественными исследователями Ю. Д. Квашниным, Д. И. Зеликсоном и П. С. Соколовой²⁸, зарубежные авторы оценивает первую половину 1990-х гг. как проявление иррационального поведения Греции в отношении своих международных партнеров. Напротив, вторую половину 1990-х гг. и начало XXI века они описывают в качестве удачного периода внешней политики греческого государства²⁹. Вопросам влияния вступления Греции в ЕЭС на северных соседей посвящены работы Дж. Колиопулоса, С. Вриноса, Ф. Лэйребби³⁰, эффекту современного греческого кризиса на Балканский регион – труды Р. Панагиоту и А. Валвиса, М. Коппа, П. Гогаса и А. Димитрияду³¹.

Общие вопросы взаимодействия Турции и ЕС рассматриваются Ю. С. Кудряшовой, И. В. Кудряшовой и В. В. Матюхиным³². Идеологические аспекты изменений в позиционировании Турции высвечены в диссертации В. А. Аваткова³³.

²⁷ Современная Греция в мировой экономике и мировой политике / Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН. 2013. 184 с.; Улуныян А. А. Политическая история Греции XX века: учеб. Пособие. М.: Высш. шк. (ВШ). 2004 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). 196 с.; Зеликсон Д. И. Экономическая дипломатия как инструмент внешней политики Греции на Балканах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М.: Институт Европы РАН. 2015. 150 с.; Зеликсон Д. И. Интересы Греции на Западных Балканах. Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность // Доклады Института Европы РАН №363. М.: ИЕ РАН. 2019. С. 28-31.

²⁸ Соколова П. С. Основные направления внешней политики Греции // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №8. С. 84-94.

²⁹ Armakolas I., Triantafyllou G. Greece and EU enlargement to the Western Balkans: understanding an ambivalent relationship // Southeast European and Black Sea Studies. 2017. No 4 (17). P. 611-629; Goumenas T. Greek Perception of the Balkans: Edgy Coexistence or Difficult Relationship? // UACES 35th Annual Conference and 10th Research Conference "The European Union: Past and Future Enlargements". Zagreb, 2005. [Электронный ресурс] URL:

https://www.academia.edu/2298396/Greek_Perceptions_of_the_Balkans_Edgy_Coexistence_or_Difficult_Relationship.

³⁰ Greece and the New Balkans: Challenges and opportunities. New York: Pella Publishing Company. 1999. 500 p.; Greece in the Balkans: Memory, Conflict and Exchange. Cambridge Scholars Publishing. 2009. 266 p.; Greece in the Road to Democracy: From the Junta to PASOK 1974 – 1986 / Edited by Vryonius S. Jr. New York: Orpheus publishing Inc. 1991. 402 p.; Larrabee F. S. Greece's Balkan Policy in a New Strategic Era // Southeast European and Black Sea Studies. 2005. No. 3(5). P. 405-425.

³¹ Коппа М. The Greek Crisis and Its Repercussions on the Balkan Neighbourhood: The End of the Myth // Special Issue: Deciphering the Greek Crisis: Issues, Failures, Challenges. Uluslararası İlişkiler International Relations. 2018. No. 58(15). P. 57-67.; Gogas P., Dimitriadou A. Greek banks in the Balkans: The big crunch // The Business Thinker. March 6. 2017 [Электронный ресурс] URL: <https://businessthinker.com/greek-banks-in-the-balkans-the-big-crunch/>; Panagiotou R., Valvis A. How is the sovereign debt crisis affecting Greece's relations with the Balkan countries and Greece's standing in the region? An initial impact assessment ELIAMEP. 2014. 137 p.

³² Кудряшова И. В., Матюхин В. В. Турция: национальные интересы и имперскость // Политическая наука. 2013. № 3 С. 117-136; Кудряшова Ю. С. Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. М.: Институт Ближнего востока. 2010. 363 с.

Проблема ислама на Балканах исследуются в трудах О. Керема и Х. Фазлича³⁴. Турецкая политика в отношении югославского кризиса дается Б. Демирташем, К. Бугарелем и Д. Екинджи³⁵. Важное значение для осмысления эволюции внешней политики Турции имеет монография Д. Танасковича «Неоосманизм»³⁶.

Большинство отечественных и зарубежных исследователей придерживается мнения, что основную часть арабского присутствия на Балканах составляет задача распространения радикального ислама³⁷. Не оспаривая её справедливость, автор настоящего диссертационного исследования стремится показать, что религиозный фактор и создание ячеек радикального ислама в Европе не являются единственным ресурсом. На это указывает анализ внешнеполитических и внешнеэкономических интересов стран Персидского залива в других регионах мира, а также структура их инвестиций и торгового оборота, представленная в работах Е. С. Бирюкова, Н. Мандаци, В. Лильяновой³⁸.

Работы, посвященные политике России, США и Китая в Юго-Восточной Европе:

Осмысление истоков американской политики на Балканах представлено в диссертациях А. А. Хортова и А. С. Киясова³⁹. Позиции США в югославском

³³ Аватков В. А. Идеология Турецкой Республики при правлении Партии справедливости и развития. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М.: МГИМО. 2013. 30 с.

³⁴ Kerem O. Between emigration, de-Islamization and the nation-state: Muslim communities in the Balkans today // Southeast European and Black Sea Studies. June 2011. N 11(2). P. 155 – 171; Fazlic H. Islam in the successor states of former Yugoslavia – religious changes in the post-communist Balkans from 1989 – 2009. PhD Thesis. University of Birmingham. 2011. 341 p.

³⁵ Ekinci D. Turkey and the Balkans in the post-cold war era: Diplomatic, Political, economic and military relations. PhD Dissertation. Bilkent University. 2009. 336 p.; Bougarel X. The Role of Balkan Muslims in Building a European Islam // European Policy Centre. 2005 [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/32230189_The_Role_of_Balkan_Muslims_in_Building_a_European_Islam; Demirtas B. Turkish Foreign Policy towards the Balkans: A Europeanized Foreign Policy in a De-Europeanized National Context? // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2015. Vol.17. № 2. P. 123-140.

³⁶ Танасковић Д. Неоосманизам: доктрина и спољнополитичка пракса. Друго, допуњено издање. Београд: Службени гласник. 2011. 160 стр.

³⁷ Deliso C. The Coming Balkan Caliphate. The Threat of Radical Islam to Europe and The West // Library of Congress Cataloging (Praeger Security International). 1974. P. 183-204; Kurop M. European Jihads: Al Qaeda's Balkan links // Asian Wall Street Journal. Victoria, Hong Kong. 2001. N 1 [Электронный ресурс] URL: <http://search.proquest.com.ezp-prod1.hul.harvard.edu/docview/315358268?accountid=11311>; Pena C.V. Al Qaeda: The Balkans Connection // Mediterranean Quarterly. 2005. Vol. 16. № 4. P. 65-76; Rexhepi P. Arab others at European borders: racializing religion and refugees along the Balkan Route // Ethnic and Racial Studies. 2018. N 41:12. P. 215-234; упоминавшиеся выше работы Е. Г. Пономаревой.

³⁸ Бирюков Е. С. Инвестиции в земельные ресурсы как новый тренд в глобальном управлении и международных экономических отношениях (на примере инвестиций аравийских монархий) // Международная торговля и торговая политика. 2017. № 4 (12). С. 134 -150; Mandaci N. Western Balkans and the Gulf: Interregionalism in the making Mediterranean Politics. Volume 23. 2018. Issue 3. P. 340 – 363; Mandaci N., Tutan M.U. Global Land Grab and the Balkans: Continuity and Changes in a Unique Historical Context // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2018. Vol. 20. № 3. P. 230-250; Lilyanova V. Saudi Arabia in the Western Balkans European Parliamentary Research Service. 2017 [Электронный ресурс] URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/614582/EPRS_ATA\(2017\)614582_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/614582/EPRS_ATA(2017)614582_EN.pdf).

³⁹ Хортов А. А. Политика США в боснийском конфликте и косовском кризисе: 1990-е гг. Диссертация на соискание ученой степени к. и. н. Ярославль. 2011. 286 с.; Киясов А. С. Внешнеполитический курс США на Западных Балканах (1990-2000е гг.). Диссертация на соискание ученой степени к. и. н. Казань. 2012. 258 с.

кризисе, её флуктуациям, соотносению с американскими задачами по линии НАТО посвящены уже упоминавшиеся работы К. В. Никифорова, а также Д. Шоллета, Л. Пулэна и И. Телеки, Дж. Петерсона, Г. Ксюдо⁴⁰. Цели и задачи собственно политики США в Юго-Восточной Европе прослеживаются в сборниках «Америка и Балканы: записки президенту» и «Политика ЕС, США и ФРГ на Балканах»⁴¹.

Применительно к исследованию роли КНР в Юго-Восточной Европе сложно говорить об обширной историографии вопроса. Основная масса работ представлена научными статьями зарубежных ученых (В. Зенели, А. Вангели)⁴², в том числе сербских (Д. Павличевича),⁴³ которые восприняли появление Китая на Балканах как системообразующее событие. Китайские проекты в регионе, их транспортно-логическая специфика освещаются в сборнике «Китай и Восточная Европа»⁴⁴.

Центральное место в изучении российской политики на Балканах принадлежит отечественным исследователям К. В. Никифорову, В. К. Волкову, С. А. Романенко, Е. Ю. Гуськовой, Е. Г. Пономаревой, А. А. Улуняну, Н. В. Бондареву, Г. Н. Энгельгардту, А. А. Пивоваренко.

Различные аспекты российско-сербских, советско-югославских отношений рассмотрены в коллективной монографии «Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке»⁴⁵. Системную оценку усилиям российской дипломатии на изломе веков даёт К. В. Никифоров⁴⁶. Параллели между распадом СССР и СФРЮ, а также явлениями, касающимися структурной общности двух федераций,

⁴⁰ Xhudo G. *Diplomacy and Crisis Management in The Balkans*. University of St. Andrews Harvard University Library. 1996. 220 p.; Peterson J. *The US and Europe in the Balkans* / J. Peterson, M. Pollack (ed.) Europe, America, Bush: Transatlantic Relations in the Twenty-First Century. N.Y., 2003. 158 p.; Chollet D. *The Road to the Dayton Accords: A Study of American Statecraft*. L.: Palgrave Macmillan. 2005. 272 p.; Daalder I. H, O'Hanlon M. E. *The United States in the Balkans: There to Stay* // *Washington Quarterly*. Autumn 2000. N 23(4). P. 155-170; Poulain L. and Teleki I. *U.S. Policy toward the Western Balkan* // *Western Balkan policy review*. Sep.20 2010: A report of the CSIS Lavrentis Lavrentiadis, edited by Janusz Bugajski. 2010. 126 p.

⁴¹ *America and the Balkans: Memos to a President* / Edited by Robert B. Zoellick and Philip D. Zelikow. W. W. Norton & Company. Inc. 134 p.; *American, European Union and German policies in the Balkans* / Edited by Lily Gardener Feldman. *German Issues* 26. 2001.

⁴² Vangeli A. *China: a new geo-economic approach to the Balkans* // *The Western Balkans in the World Linkages and Relations with Non-Western Countries* / Edited by Florian Bieber and Nikolaos Tzifakis. London: Routledge. 2019; Vangeli A. *Global China and Symbolic Power: The Case of 16+1 Cooperation* // *Journal of Contemporary China*. 2018. N 27:113. P. 674-687; Vangeli A. *China's Engagement with the Sixteen Countries of Central, East and Southeast Europe under the Belt and Road Initiative* // *China & World Economy*. 2017. N 25 (5). P. 101-124; Zeneli V. *China's Balkan Gamble. Why is China investing so much in the debt-burdened Balkans?* // *The Diplomat*. 15.12.2014. [Электронный ресурс] URL: thediplomat.com/2014/12/chinas-balkan-gamble/.

⁴³ Pavličević D. 'China Threat' and 'China Opportunity': Politics of Dreams and Fears in China-Central and Eastern European Relations // *Journal of Contemporary China*. 2018. N 27:113. P. 688-702; Pavlicevic D. *China's New Silk Road Takes Shape in Central and Eastern Europe* // *China Brief*. Issue 1. 9 January 2015. P. 9 -14; Pavlicevic D. *The Sino-Serbian Strategic Partnership in a Sino-EU Relationship Context* // *The University of Nottingham. Briefing Series*. April 2011. Issue 68. 12 p.

⁴⁴ *Китай и Восточная Европа: звенья нового Шелкового пути* / Отв. ред. В. Михеев, В. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН. 2016. 70 с.

⁴⁵ *Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке*. М.: Институт славяноведения РАН. 2016. 400 с.

⁴⁶ Никифоров К. В. *Сербия на Балканах XX век*. М.: Индрик, 2012. 176 с.; Никифоров К. В. *Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап)*. М.: Институт славяноведения РАН. 1999. 262 с.

проводит С. А. Романенко⁴⁷. Балканская политика России 1990-х гг. как неудачная оценивается большинством российских учёных⁴⁸.

Особенности современной политики России в Юго-Восточной Европе изучаются А. А. Пивоваренко⁴⁹, Е. Г. Энтиной, Г. Н. Энгельгардтом и М. Саморуковым, Д. Бечевым, П. Стронски, Л. Коэном⁵⁰. В работах Н. В. Бондарева⁵¹ дается оценка использованию ресурса «мягкой силы» России на Балканах.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- впервые в отечественной исторической науке и европеистике исследован опыт взаимоотношений ЕЭС и СФРЮ и выявлена взаимосвязь между историческими особенностями их взаимодействия и современными основаниями политики, проводимой ЕС в регионе Юго-Восточной Европы;

- в комплексе рассмотрена политика Европейского союза в исследуемом регионе с учетом фактора изменившейся геометрии международных отношений;

- показана роль всех значимых на современном этапе в Юго-Восточной Европе акторов международных отношений в преломлении к европейской интеграции региона;

- проведен системный анализ внутренних и внешних факторов, влияющих на развитие региона как перекрестья интересов ЕС, других мировых и региональных игроков, под углом зрения их эволюции с середины 1960-х гг. по настоящее время;

- введено в научный оборот большое количество источников по теме исследования, ранее не использовавшихся в отечественной литературе.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в методологию исследования феномена интеграции в современном мире. Автор применяет

⁴⁷ Романенко С. Между «пролетарским национализмом» и «славянским братством». М.: Новое литературное обозрение. 2011. 1016 с.

⁴⁸ Романенко С., Улуян А. Балканская политика 90-х годов: в поисках смысла. Т. 6. М.: Pro et Contra. 2001. № 4. С. 46-58; Волков В. К. Балканы в системе геополитических интересов России // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Индрик, 2000; Энгельгардт Г. Н. Россия и боснийский кризис, 1992 год. Формирование подхода к урегулированию // Славяноведение. 2000. № 3. С. 27 - 41; Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990-2000). М.: Русское право. 2001.

⁴⁹ Пивоваренко А. Сербия становится Европой // РСМД. 02.06.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/serbiya-stanovitsya-evropoy/>; Пивоваренко А. Современная Россия на Балканах: «мягкая сила» через инвестиции // РСМД. 16.05.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/sovremennaya-rossiya-na-balkanakh-myagkaya-sila-cherez-inves/>.

⁵⁰ Саморуков М. Иллюзия близости: амбиции и возможности России на Западных Балканах // Московский центр Карнеги. 12.12.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegie.ru/2017/12/12/ru-pub-74975>; Саморуков М. Побег из дружеских объятий. Почему Белград устал от российской поддержки // Московский центр Карнеги. 17.01.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegie.ru/commentary/78146>; Саморуков М. Противоречия России и ЕС на Балканах. В чем они и можно ли их преодолеть // Московский центр Карнеги. 19.12.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegie.ru/commentary/77961>; Bechev D. Russia in the Balkans: How should the EU respond? Police Brief // European Policy Centre. 12 October 2015; Bechev D. Rival power. Russia's influence in Southeast Europe. London: Yale University Press. 2017; Cohen L. J. Russia and the Balkans: Pan-Slavism, Partnership and Power // International Journal. 1994. N 49(4). P. 814-845.

⁵¹ Бондарев Н. В. Россия на Балканах ходит как лунатик // Креативная дипломатия. 13.08.2019. [Электронный ресурс] URL: http://picreadianalitika.ru/bondarev?fbclid=IwAR2_SGL5G5FFbBzvMSckSIckZ-opM2iODXp2uHDcC5_UXyoxhzWLg9NvnHc.

конкретный подход к исследованию проблем международных отношений – теорию неоклассического реализма для анализа факторов, влияющих на европейскую интеграцию стран бывшей Югославии как имеющих среди всех стран Центральной и Юго-Восточной Европы наиболее длительную и сложную историю взаимодействия с ЕС. На основе ее соединения с частными конструктивистскими теориями предлагается авторский подход к рассмотрению современных интеграционных процессов.

Переосмысление и комплексное рассмотрение эволюции взаимодействия и интеграционной политики Европейского союза в отношении государств постъюгославского пространства является теоретической и практической основой для переформатирования и конкретизации современных теорий интеграции. Подходы, примененные автором, позволили установить, каким образом трансформировались традиционные процессы интеграции, проходившие в условиях би-/однополярности, в контексте современной полиакторной архитектуры международных отношений, и предложить доработанный теоретический инструментарий на основе синтеза либерально-конструктивистских и реалистских подходов, позволяющий рассматривать внутреннее содержание современных интеграционных процессов в комплексе международных связей и факторов.

Практическая значимость работы

Использование результатов исследования возможно при разработке стратегической линии РФ в Юго-Восточной Европе и взаимодействия с ЕС, региональными и внерегиональными акторами. Они могут быть полезны при исследовании политики ЕС в отношении стран Восточного партнерства. Их применение оправдано для анализа процессов интеграции в Средней Азии, Латинской Америке, разработки дальнейших интеграционных форматов в Евразийском экономическом союзе. Опыт политико-экономического взаимодействия различных международных акторов со странами бывшей Югославии может быть полезен для предприятий реального сектора экономики в процессе их входа на рынки Балканского региона и Европейского союза.

Эмпирический материал, выводы и результаты исследования могут быть использованы при создании обобщающих трудов и чтения лекционных курсов по истории международных отношений, политологии, новейшей истории европейских стран, истории европейской интеграции, международным организациям.

Апробация исследования

Основные положения диссертации отражены в 51 публикации общим объемом 105,2 печатных листа. Результаты исследования докладывались на российских и международных научных конференциях и семинарах в Сербии, Боснии и Герцеговине, Хорватии, Словении, Польше, Албании, Италии, Бельгии, Великобритании, Австрии, Германии, США, КНР.

Отдельные положения работы были апробированы в рамках научных семинаров Дейвис центра российских и евразийских исследований Гарвардского университета (ноябрь 2018 г.); на экспертных сессиях, посвященных проблемам европейской и евроатлантической интеграции Балкан в Министерстве иностранных дел ФРГ

(январь и декабрь 2019 г.), Министерстве обороны Австрии (февраль 2019 г.), Российском институте стратегических исследований (с участием представителей профильных департаментов МИД России).

Диссертант с 2008 по 2012 гг. включительно проводила цикл лекций на тему «Политические трансформации в странах Юго-Восточной Европы в свете европейской интеграции» на зимних и летних школах Университета Приштины (Косовская Митровица). Начиная с 2012 г. и по настоящее время, читает отдельные темы, рассматриваемые в диссертационном исследовании, в рамках учебных дисциплин в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы. **Во введении** обосновывается актуальность избранной темы, определены объект, предмет, цель и задачи, методологические принципы и научная новизна исследования; его теоретическая и практическая значимость; выдвинуты положения, выносимые на защиту.

В первой главе рассматриваются основные теоретические подходы к изучению европейской интеграции, предлагается матрица исследования интеграционной политики ЕС, учитывающая специфику регионов, для геополитического пространства которых характерна полиакторность.

В параграфе 1.1. «Балканы как политически детерминированное пространство» раскрывается политическая обусловленность конструирования границ региона, который в разные периоды и у различных международных акторов имел названия «Балканы», «Балканский регион», «Балканский полуостров», «Европейская Турция», «Юго-Восточная Европа», «Западные Балканы» и др.

Собственные термины для обозначения региона, которыми пользуются различные международные акторы, подчеркивают их отношение и формируют нарративы о данном пространстве. Для глобальных акторов – США, России, КНР – оно, прежде всего, рассматривается как составная часть Юго-Восточной Европы и/или Центральной и Восточной Европы. В дискурсе региональных акторов и самого ЕС используется обозначение «Балканский регион» и «Западные Балканы». Подобным образом проводится черта между странами ЕС и иными, или же, как в случае с Турцией и Грецией «отмежевание» от соседей.

В отношении региона употребляются и термины, имеющие коннотацию с вопросами безопасности: «постъюгославское пространство», «страны бывшей Югославии». Они применяются при описании нестабильности, конфликтности и югославского исторического наследия. Для характеристики кризисного потенциала используется термин «балканизация». Напрямую он не связан с определением границ региона. Однако его негативная эмоциональная коннотация объясняет нежелание стран Балканского полуострова идентифицировать себя с Балканами.

Причины, вызвавшие различия в восприятии границ региона, повлияли на формирование локальных национальных идентичностей, часто входящих в

противоречие друг с другом в отсутствие субрегиональной/региональной. Эта особенность не была учтена ЕС ни при использовании стандартного инструментария интеграционной политики, ни при взаимодействии с другими акторами на данном пространстве.

Сопоставительный анализ многообразия теорий и подходов к изучению европейской интеграции дан в параграфе 1.2. «*Основные подходы к европейской интеграции и неоклассический реализм*». Интеграционные процессы на европейском континенте рассматривались как с точки зрения классических теорий международных отношений – реализма, либерализма, впоследствии конструктивизма, так и сами стали источником новых подходов (функционалистского, межправительственного, многоуровневого управления). Кроме того, европейская интеграция исследовалась с точки зрения критических теорий, теории коммуникации, институционализма.

Однако применительно к Юго-Восточной Европе они не являются полностью релевантным. Ни один из них не учитывает, что политику ЕС и его стран-членов в их юго-восточном подбрюшьи зачастую определяли сугубо прагматические интересы из области безопасности и геополитики, а не разделяемые политические ценности, нормы и убеждения, встроенные в механизм принятия решений ЕС на всех уровнях. ЕС предстает здесь как актер, вынужденный действовать в реалистском ключе. Изучение интеграционных процессов в Юго-Восточной Европе требует комплексного подхода, способного синтезировать государствоцентричные и транснациональные методы и использовать как рационалистический, так и конструктивистский подходы к рассмотрению европейской интеграции.

Под этим углом зрения теория неоклассического реализма может рассматриваться оптимальным инструментом исследования. Во-первых, ею по-новому ставится задача выбора зависимой переменной исследования: помимо влияния системы на государства, учитываются внутренние государственные факторы. Зависимыми переменными выступают конкретные случаи принятия решений, особенности внешней политики отдельного государства, новые вызовы, стратегические изменения всей системы в целом. Во-вторых, она предполагает наличие вмешивающейся переменной. В-третьих, большое внимание уделяется ею лицам, ответственным за принятие и имплементацию политических решений. Методологически неоклассический реализм опирается на структурный и более приближен к оборонительному, чем наступательному реализму. В его понимании государство сосредоточено на обеспечении безопасности, а стратегии обеспечения безопасности носят вариативный характер, в том числе – посредством региональной интеграции. Таким образом, неоклассический реализм не противоречит структурно-функционалистским подходам, а представляет собой комплексную теорию, позволяющую совместить реалистскую, либеральную и конструктивистскую парадигму с частными теориями европейской интеграции в единую гибкую теоретическую систему.

Данная система, сложенная в матрицу, с помощью которой можно изучать интеграционные процессы в пространствах, подобных постъюгославскому, представлена в параграфе 1.3. «Синтезм как основа изучения современной интеграционной политики ЕС».

Первым, образующим «рамку» исследования элементом, является концепция неоклассического реализма, позволяющая рассматривать европейскую интеграцию в качестве пути достижения безопасности. Инструментально достижение безопасности осуществляется через *европеизацию* как процесс трансформации стратегических культур, государственных и социальных институтов субъектов, которые встроены в интеграцию.

Второй элемент связан со спецификой принятия решений как в ЕС, так и в подобных постъюгославскому пространствах. Процесс принятия решений в ЕС проходит по той же схеме, что и в государстве, однако с одним важным исключением. На этапе принятия решение может быть заблокировано на институциональном уровне одним из государств, имеющих собственное национальное видение вопроса (в регионе Юго-Восточной Европы это, главным образом, ФРГ, Франция и Великобритания). Неспособность ЕС выработать внешнеполитическое решение из-за вето одного из стейкхолдеров будет вести к ренационализации его политики государствами-членами. Ренационализация означает определенную степень потери ЕС акторности вплоть до полного возврата внешней политики на национальный уровень.

Процесс принятия решений в пространствах, где внешний фактор традиционно играл значительную роль, опосредован гипертрофированным нежеланием политических лидеров и общества становиться объектом проводимой извне политики, множеством фобий и стереотипов относительно устремлений тех или иных внешних акторов. Поэтому второй элемент предлагаемой матрицы задействует теорию секьюритизации и теорию сообщества безопасности, которые дают возможность раскрыть внутренние императивы политики европейских государств применительно к югославскому кризису и посткризисному развитию и их восприятие местными политическими элитами и населением.

Наконец, третий элемент в предлагаемой матрице образует теория комплексной взаимозависимости, которая позволяет рассмотреть интеграционную политику в совокупности международных связей, а не в качестве процесса, происходящего «в вакууме» европейской международной подсистемы. Асимметричность отношений и зависимость Югославии и стран, возникших на её пространстве, от внешних акторов определили их политику и политику региональных игроков по отношению к этим государствам. Трёхэлементный подход позволяет матрично рассмотреть интеграционную политику в условиях изменчивой геометрии международных отношений многополярного мира с учетом максимального числа факторов, значимых для принятия решений и её общей эффективности.

Во второй главе рассматривается взаимодействие ЕЭС/ЕС и Югославии, начиная со второй половины 1960-х гг., роль Сообщества в усугублении

внутренних кризисных тенденций в СФРЮ во второй половине 1980-х гг. и место в событиях югославского кризиса 1990-х гг.

В параграфе 2.1. «Опыт экономического и политического взаимодействия ЕЭС и СФРЮ» показывается, что в отличие от стран социалистического блока, которые публично охарактеризовали ЕЭС как капиталистический, реакционный и дискриминационный проект, Белград довольно быстро попытался выработать рациональную политику в его отношении. Как видно из архивных документов, основной задачей ЕЭС было недопущение чрезмерного сближения Белграда и Москвы, вследствие которого СССР мог серьезно усилиться в Средиземноморье. Появление региональной интеграционной группировки и рост её влияния рассматривались Белградом в качестве угрозы доступу югославских товаров на рынок, от которого он зависел, и его внеблоковому статусу из-за необходимости встраивания в новые правила игры.

Своё первое соглашение с третьей страной ЕЭС заключил с СФРЮ. Оно было неpreferенциальным, устанавливало режим наибольшего благоприятствования согласно нормам ГАТТ и действовало с 1970 по 1973 гг. Второе торговое соглашение, фактически действовавшее с 1973 по 1980 гг., было более обстоятельным. В нём впервые ставился вопрос о положении югославских рабочих в странах ЕЭС. Но оно не остановило растущий торговый дефицит СФРЮ. В 1976 г. была подписана Белградская декларация. Она заложила основу под новое соглашение уже preferенциального характера, предусматривающее доступ к займам Европейского инвестиционного банка, которое было заключено в 1980 г. на бессрочной основе и вступило в силу три года спустя.

Однако и его нельзя было оценивать как шаг к потенциальной интеграции Югославии в Сообщество. Сотрудничество с Югославией не рассматривалось ЕЭС под углом зрения альтернативы социалистической реальности в ЦВЕ, хотя оно и учитывало его демонстрационный эффект для стран СЭВ.

Политика ЕЭС в отношении Югославии в целом вписывалась в общую политику ЕЭС в Средиземноморском регионе. Однако инструментально отличалась коренным образом: Португалии, Испании, Греции могло быть предложено членство. С Югославией подобный формат отношений не рассматривался по обоюдному согласию, что лишало их горизонта.

Подобная структура и задачи взаимодействия стали одной из причин низкой озабоченности ЕЭС внутриюгославскими проблемами, что, как рассматривается в параграфе 2.2. «Внутренние и внешние факторы экономического кризиса в СФРЮ», в свою очередь, привело к недооценке со стороны Сообщества возможных последствий экономического кризиса в условиях специфики политической системы и этно-территориальных особенностей СФРЮ.

Экономические реформы 1950-х – 60-х гг., а также положения Конституции СФРЮ 1974 г. стимулировали не только децентрализацию управления, но и определенную экономическую автономию республик. Экономическое сотрудничество с внешним миром в конце 1960-х и в течение 1970-х гг. создавали у населения иллюзию благополучия. В действительности практически

неконтролируемый процесс получения дешёвых кредитов и инвестиций в конце 1970-х гг., подталкиваемый, с одной стороны, необходимостью «усмирить» республики после волны репрессий, с другой – готовностью западных институтов их выдавать, катастрофически повлиял на макроэкономическую стабильность государства.

Массовое осознание «неравенства» и глубоких различий в положении республик, которые были абсолютно несовместимы с эгалитаристской концепцией социалистического самоуправления, стали мощнейшим ресурсом формирующихся в начале 1980-х гг. республиканских этнократических кланов. Тем самым в СФРЮ экономический кризис был равносителен не столько экономической, сколько идеологической катастрофе, выход из которой виделся в демократизации через усиление националистического дискурса. Попытки экономических реформ в рамках самоуправленческого социалистического нарратива, которыми были безуспешно заняты четыре федеральных правительства на протяжении 1980-х гг., разбивались об интересы республиканских партийно-бюрократических элит. Республиканские элиты блокировали появление фигуры «нового» Тито федерального уровня. Их интересам отвечало появление сильных республиканских лидеров. Это постепенно происходило во всех республиках СФРЮ.

Радикальная экономическая реформа правительства А. Марковича стартовала в 1989 г. в крайне неблагоприятных не только внутренних, но и внешних условиях. «Геополитическая ось истории» сместилась в сторону ЦВЕ. Несмотря на очевидность постепенного демонтажа архитектуры биполярного мира, европейские дипломаты продолжали настаивать на важности поддержания внеблокового статуса СФРЮ. Неожиданное желание Югославии добиться статуса ассоциированного члена ЕЭС, анонсированное в конце 1989 г., не нашло отклика в Брюсселе. Официальным объяснением было вступление ЕЭС в период серьезного реформирования. Неофициально, в воспоминаниях посла США в Белграде У. Циммермана отказ объяснялся тем, что на фоне происходящих в Европе перемен «Югославия выглядела лузером».

Однако устремлениям правительства А. Марковича была оказана полная вербальная поддержка, что влияло на общее понимание ситуации федеральным правительством. По сути, Белград запустил всё то, что делалось в странах ЦВЕ и получало финансовую поддержку США и ЕЭС. Но в отличие от польского правительства М. Тадеуша, правительство А. Марковича реальной помощи не дождалось.

Неготовность Запада оказать финансовую поддержку А. Марковичу при активном участии в обсуждении реформирования СФРЮ, неизбежно подталкивало республиканских лидеров воспринимать его в качестве угрозы начавшемуся в республиках процессу демократизации и перехода к свободному рынку. В условиях индифферентного отношения Запада и ЕЭС к усиливающимся дезинтеграционным тенденциям в СФРЮ на фоне экономического кризиса, радикальная реформа А. Марковича не только не имела шансов на успех, но и в результате развернувшейся борьбы за собственность поставила страну на грань гражданской войны.

В параграфе 2.3. «Роль ЕС в событиях югославского кризиса» прослеживается, как распад биполярной системы сказался на восприятии ЕЭС и его государствами-членами своей роли в урегулировании югославского кризиса. В этот период происходит трансформация системы Европейского политического сотрудничества в Общую внешнюю политику и политику безопасности. Она слишком затянулась. В результате политику Франции, Великобритании, Германии в отношении югославского кризиса и путей его урегулирования определяли их претензии на лидерство внутри ЕЭС, с одной стороны, и концепция видения ЕЭС как международного актора, с другой.

До референдума в Словении и военных действий со стороны ЮНА большая часть членов ЕЭС выступали за сохранение единства Югославии. Несмотря на множество индикаторов грядущей катастрофы, ими исключалась сама возможность перерастания политических проблем в открытое вооруженное противостояние. Таким образом, можно считать, что на первоначальном этапе югославского кризиса игнорирование остроты югославской проблемы и было общей позицией ЕЭС.

Когда переговоры о сохранении югославского единства начали заходить в тупик, ЕЭС главным образом, отталкивалось от парадигмы «признания или непризнания» независимости откалывающихся республик. Несмотря на множество недостатков в миротворческой концепции ЕЭС в отношении югославского кризиса и ее общую неэффективность, Брюсселю удалось сформировать сам переговорный процесс. При этом он был активным и на некоторых стадиях способствовал снижению напряженности.

К кризису в Косово европейские страны подходят с более-менее единой позицией. Единство стало результатом закрепившегося в мировом общественном мнении клише «агрессоров» за сербской нацией, осознания отсутствия в арсенале ЕС действенных инструментов силового урегулирования в сравнении с США и НАТО, а также выработки собственного стратегического видения будущего региона, для реализации которого требовались отсутствие острых конфликтных очагов и наличие демократических политических режимов.

На финальной стадии косовского кризиса ЕС оказался способен сыграть важную роль в разработке плана мирного разрешения конфликта. Она осуществлялась специальным представителем ЕС, президентом Финляндии М. Ахтисаари совместно с представителем США С. Тэлботом и спецпредставителем президента России В. Черномырдиным (3 июня 1999 г.). Кроме того, ЕС способствовал разработке военно-технического соглашения между международными силами безопасности (т.е. силами НАТО) и правительствами СРЮ и Сербии (соглашение в Куманово от 9 июня 1999 г.) и Резолюции 1244 Совета Безопасности ООН от 10 июня 1999 г. Этому помогла дипломатия ЕС, действовавшая на основе предложения, сделанного Германией о формировании Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы. 10 июня 1999 года были приняты не только известная Резолюция СБ ООН 1244, но и Пакт стабильности, подписантами которого в Кельне выступили ЕС, G8 и отдельные международные организации.

Хотя ЕС в целом не возражал против силового решения косовского вопроса, все же подобный «жесткий» подход противоречил ценностным установкам Союза. Косвенной причиной евроатлантической солидарности были факторы внутреннего порядка в странах ЕС. В 1998-1999 гг. почти во всех этих государствах у власти находились левые правительства социал-демократов, лейбористов, социалистов, которые стремились доказать, что являются не меньшими защитниками национальных интересов и прав меньшинств, чем представители правых партий. Это вынуждало их выступать с жестких позиций в вопросах урегулирования международных кризисов.

В третьей главе диссертационного исследования раскрываются специфика, результаты и внутренние ограничения интеграционной политики ЕС в государствах постъюгославского пространства.

В параграфе 3.1. «Специфика стратегии расширения Европейского союза в отношении Западных Балкан» подчеркивается, что включение стран ЦВЕ было для ЕС вопросом приоритетного значения, важным как с точки зрения геополитического позиционирования, так и в отношении утверждения на открывшемся и свободном рынке региона ЦВЕ. Для самих стран ЦВЕ вступление в ЕС означало получение внутреннего стимула и внешнего ресурса для ускоренной трансформации и перехода на рельсы рыночной экономики и плюралистической политической системы. Принципиальным отличием подхода ЕС к интеграции ЦВЕ от ее юго-восточной части была модель регионального расширения, которая не подразумевала дифференцированного странового подхода. При этом государства ЦВЕ прошли процесс европеизации в условиях практически полного консенсуса политических элит и общественности и на востоке, и на западе Европы.

Страны Западных Балкан встали на путь европейской интеграции, с одной стороны, в результате отсутствия альтернативы определяющей роли ЕС в постконфликтной трансформации региона. С другой стороны, перспектива евроинтеграции в морально-психологическом отношении у населения балканских стран укладывалась в парадигму ответственности, которую мировое сообщество несет за трагический распад Югославии.

Для стабилизации и интеграции государств постъюгославского пространства были разработаны Региональный подход ЕС 1997 г. (не подразумевал перспективы членства в ЕС), Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы (где ЕС был важнейшим, но одним из участников) и, наконец, система Соглашений о стабилизации и ассоциации 2003 г. Региональный подход ЕС предполагал финансовые и торговые преференции, но только в обмен на прогресс в сферах национального примирения и демократизации, а возможность заключения Соглашения о стабилизации подразумевала выполнение целого ряда предварительных условий. В сравнении со странами ЦВЕ для западно-балканских государств требование об «обусловленности» серьезно ужесточилось и расширилось.

В отличие от ЦВЕ, по отношению к странам Западных Балкан был введен «принцип регаты», т.е. индивидуализированный процесс присоединения. Это

имело свои негативные последствия. Фокус на соревновательности на практике отрицал формирование коллективной идентичности, солидарность, укрепление доверия в постконфликтном пространстве.

Непосредственно интеграция Западных Балкан осуществляется в форматах, заложенных Загребским и Салоникским саммитами. С 2014 г. к ним добавился Берлинский процесс. По инициативе нескольких государств-членов ЕС полноценное членство региона в ЕС микшируется им рамками двухстороннего и многостороннего взаимодействия «Балканы – остальная часть Европы».

В процессе формирования стратегии расширения ЕС исключил из своего дискурса постъюгославское пространство как политико-географическую категорию. Вместо «постъюгославского пространства», «бывшей Югославии» и «Юго-Восточной Европы» стало употребляться бюрократическое понятие «Западные Балканы». При этом на практике, исходя из того, как и к кому применяется данный термин, он является, скорее, заменой понятию с явной негативной коннотацией «балканизация», поскольку вступление в ЕС, т.е. европеизация прекращает и причисление страны к Западным Балканам.

В параграфе 3.2. «Особенности и основные результаты интеграционной политики Европейского союза на Западных Балканах в период 2000 – 2013 гг.» анализируется, каким образом на практике воплощалась стратегия расширения ЕС на основе «принципа регаты». За 2000 – 2013 гг., благодаря перспективе европейской интеграции, на пространстве бывшей Югославии был достигнут существенный прогресс в плане стабилизации и миротворчества. Практически решен вопрос со свободным перемещением людей, товаров, капитала. Исключена опция крупномасштабных конфликтов высокого уровня интенсивности, подобных тем, что были в 1990-е гг.

Однако требование об «обусловленности», составляющее сердцевину политики интеграции ЕС, сработало далеко не во всех случаях. Точно также ставка на соревновательный эффект, сделанная ЕС в отношении стран бывшей Югославии, продемонстрировала лишь частичную успешность. Она дала результат в случае с присоединением Хорватии. Для неё одним из стимулов евроинтеграции был скорейший выход из состава «Балкан». До некоторой степени сыграло свою роль, вследствие разных исторических контекстов, и стремление к достижению номинального превосходства над Сербией. В остальном соревновательность и единообразное отношение ЕС к принципиально различным странам вместо консолидации создала в Балканском регионе еще больше разделительных линий.

В период 2000 – 2013 гг. в Боснии и Герцеговине усилия ЕС не принесли никаких результатов. Сочетание механизмов, которые обычно применяются при урегулировании конфликтных отношений, с требованиями политики расширения ЕС привело к тому, что в БиГ на протяжении всего периода уходили зачастую противоречивые сигналы. В итоге политические элиты, находящиеся у власти, стали нечувствительны к требованиям, исходящим от ЕС.

В Косово попытка ЕС выступить эффективным медиатором в нормализации отношений между Белградом и Приштиной имела неоднозначный эффект.

Посредством манипулирования перспективой приближения к ЕС Брюсселю удалось добиться подписания сторонами Соглашения о нормализации отношений. Однако ставка на технический диалог как способствующий урегулированию не оправдалась. Стороны не видели в ЕС надежного медиатора, а их диалог зависел от политических настроений, обусловленных внутренней конъюнктурой. Как только для косоваров перспектива европейской интеграции стала откровенно призрачной, посреднические возможности ЕС оказались исчерпанными.

В Хорватии и Сербии основной задачей ЕС в указанный период было сформировать последовательно лояльные политические элиты, вытеснить из партийно-политического спектра националистов и евроскептиков. В Хорватии данная задача была предварительно решена к 2003 г., окончательно – после выдачи генерала А. Готовины Гаагскому трибуналу в 2005 г. В Сербии процесс был осложнен необходимостью ультимативно решать политически сверхчувствительные вопросы: общее государство с Черногорией, выдача Гаагскому трибунала военных преступников, Косовский вопрос. «Успех» в их решении был залогом всего лишь возможности стать кандидатом в члены ЕС. Такая неравноценная и рискованная установка стала причиной распада демократической коалиции, вместе свергнувшей режим С. Милошевича, и затяжных внутривластных кризисов до 2008 г. включительно. Только в 2008 г., после подписания Соглашения о стабилизации и ассоциации и вслед за этим введения режима визовой либерализации с ЕС в 2009 г., Сербия добилась такой расстановки политических сил, при которой и власть, и оппозиция единогласно выступают за европейскую перспективу. Однако для того, чтобы «заскочить в последний вагон» и вступить в ЕС вместе с хорватами, это оказалось слишком поздно. Вступление Хорватии в ЕС на фоне оправдательного приговора А. Готовине в 2012 г. укрепило традиционный для страны национализм и во многом превратило его в победный.

Парадокс в подходе ЕС к Балканам заключался в том, что странам, проходившим процесс демократизации и экономического обновления после череды кровопролитных гражданских войн, отягощенных внешним фактором, были предъявлены на порядок более забюрократизированные требования к членству, чем к странам Центральной и Восточной Европы. Значительное количество политически чувствительных реформ проводилось не в ходе переговоров о членстве, а в предыдущей фазе. Тем самым подрывались уверенность общества в необходимости реформ и стремление политических элит в действительности проводить их ради призрачной цели. Это проложило путь к возникновению ситуации, когда Европейский союз в теории обладает потенциалом трансформации западно-балканских государств, а на практике достиг предела своих возможностей к середине 2010-х гг.

В параграфе 3.3. «Внутренние ограничения европейской интеграции в западно-балканских государствах в 2014 – 2019 гг.» представлены результаты интеграционной политики ЕС, а также сформулированы внутренние для региона и самого ЕС пределы европейской интеграции государств постъюгославского пространства.

К весне 2020 г. они находятся на принципиально разных стадиях развития отношений с ЕС. Черногория по техническим параметрам может считаться лидером. Сербия, по сравнению с остальными республиками, ближе всех к членству в ЕС, однако по-прежнему заключена в кольцо проблем, оставшихся после распада Югославии. Босния и Герцеговина, формально опережающая Северную Македонию, Албанию и Косово, на деле является аутсайдером евроинтеграции.

Социально-экономическая трансформация Балканского региона не достигла в сравнении со странами ЦВЕ серьезных успехов, главным образом, по причинам полной деиндустриализации поствоенных экономик в сочетании с отсутствием внутренних возможностей их восстановления и системных ресурсов у ЕС на их модернизацию. Помимо этого, Юго-Восточная Европа в 2014 – 2019 гг. оказалась в состоянии тлеющего, но системного политического кризиса, который, так или иначе, затронул все страны региона и его соседей. Его общими чертами стали масштабные акции протеста, регулярные выборы и перевыборы, сложности с формированием правящей коалиции, парламентские бойкоты. Эти внутренние проблемы спровоцировали массовый отток трудоспособного населения из региона, чем лишили балканские общества «ядра», которое могло бы выполнять задачи европеизации.

В отношении взаимодействия ЕС с элитами западно-балканских стран в научной и экспертной литературе появился термин «стабилотократия», означающий готовность ЕС закрывать глаза на определенные трудности с функционированием демократических институтов в отдельных странах Западных Балкан в обмен на их лояльность самому ЕС и готовность выполнять политические требования Брюсселя. Однако подобная позиция ЕС на практике дала обратный эффект: вместо европеизации в регионе наблюдается рост авторитарных тенденций. Реакция со стороны ЕС последовала только тогда, когда региональные лидеры повсеместно стали демонстрировать большую самостоятельность во взаимодействии с «третьими» странами. Начиная с 2018 г., евробюрократия вводит в оборот новый термин «узурпация государства», имея в виду уровень влияния существующих политических элит в отдельных западно-балканских странах. Это дает основания утверждать, что в ближайшем будущем ЕС попытается запустить очередной цикл «ввода во власть» новых политических элит. Однако с учетом тенденции к вытеснению региона на обочину социально-экономической жизни эта попытка вряд ли будет успешной.

Глобальный финансово-экономический кризис 2007-2008 гг., который в большей степени отразился на государствах бывшей Югославии, ослабил акторность ЕС в регионе, спровоцировал стремление как политических элит, так и общества в целом ориентироваться на отдельные страны Европейского союза, что в условиях внутренней разобщенности усилило тенденцию к ренационализации политики ЕС. Дополнительными факторами, которые ограничивают интеграцию, стали миграционный кризис, актуализировавший вопросы безопасности и усугубивший проблему солидарности как внутри ЕС, так и по его периферии, а также Брекзит.

В четвертой главе рассматривается политика региональных акторов в отношении государств постъюгославского пространства в контексте европейской интеграции. Особое место занимает политика Греции и Турции на Балканах. После Первой мировой войны и распада Османской империи Турецкая республика и Греция вместе с Югославией входили в состав Балканской Антанты (1934 – 1939 гг.), а в 1953 – 1954 гг. образовали схожую структуру «на полях» НАТО – Балканский пакт. Окончание холодной войны кардинальным образом изменило стратегические роли Турции и Греции в Юго-Восточной Европе. Прежде членство в западных институтах было определено главным образом необходимостью борьбы с коммунизмом; новая ситуация позволила вернуться к традиционным национальным интересам, принимая во внимание, в том числе, общественное мнение.

В параграфе 4.1. «Фактор Турции в балканском направлении внешней политики ЕС» доказывается, что Анкара представляет самостоятельную силу в регионе, продолжающую в целом следовать в фарватере европейской и евроатлантической повестки, но также имеющую возможность корректировать свое присутствие в сторону большей самостоятельности и других межстрановых комбинаций в зависимости от состояния двухсторонних отношений Турция – ЕС и Турция – США.

Политика Турции на Балканах опирается на идеи неоосманизма, сочетавшие расширение географии присутствия на прежние ареалы Османской империи с императивами евроатлантической интеграции республики, что примиряло традиционалистов и сторонников европейской современности. Это специфическое сочетание кемализма, исламизма и пантюркизма довольно ярко проявилось в период распада Югославии. Первоначально Турция предпочла не вмешиваться в кризис. Однако с разрастанием вооруженного противостояния в БиГ, турецкая политика становится более активной. Анкара нервно воспринимала как западную позицию в отношении ислама, так и усиление влияния Ирана на Балканах. Турция поддержала Дейтонские соглашения и направила свой контингент в рамках международной миротворческой миссии в БиГ, однако тот факт, что её инициативы на протяжении всего боснийского конфликта фактически не находили поддержки у западных и региональных партнеров, обострило внутри страны его восприятие как религиозного. В отношении косовского кризиса Анкара вела себя осторожнее вследствие курдской проблемы. С начала переговоров о членстве в ЕС она действует на балканском направлении в качестве силы, продвигающей концепцию европейской интеграции.

Турция присоединилась к болгарской инициативе Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе, стала активным членом Регионального совета по сотрудничеству, Совета по поддержанию мира, Бригады Юго-Восточной Европы. Другим механизмом послужила совместная комиссия Турции, Боснии и Хорватии, занимающаяся вопросами национального примирения. Анкара выступала посредником в налаживании диалога между Белградом и Сараево. Объем турецких инвестиций за период 2000 – 2012 гг. вырос более чем в шесть раз. Стратегические

инвестиции были направлены на строительство автомагистралей Белград – Южная Адриатика и Дуррес – Кукес – Приштина, прокладывающих южный транспортный коридор. Параллельно Анкара наращивала «мягкую силу» в регионе, реставрируя памятники османского периода и повышая популярность турецкого языка как инструмента объединения лингвистически и культурно разобщенных мусульманских народов региона, элиты которых постепенно возвращаются к его использованию в качестве *lingua franca*.

Попытка государственного переворота в 2016 г. и предшествовавшее усложнение отношений с Западом вследствие «арабской весны» и сирийского конфликта повысило самостоятельную политическую значимость Балканского региона для официальной Анкары, население которого в результате миграционной политики XX века оказывает влияние на внутривосточную сцену в Турции.

Негативное развитие отношений с ЕС в последние годы заставляет Турцию искать новую точку опоры. Она стремится не только сохранить свое положение в глобальной иерархии держав, выстроенной США, но и повысить свой профиль до статуса надрегиональной державы, способной единолично осуществлять региональное регулирование. При этом динамика американо-турецких отношений становится всё более неровной и зависит как от региональной и глобальной конъюнктуры, так и от внутривосточной ситуации в США. В условиях деградации отношений между Анкарой и Западом основа турецкой политики на Балканах последних двух десятилетий – создание *lingua* и *cultura franca* – может стать эффективным инструментом для реализации своего потенциала уже не в тандеме с евроатлантическими институтами, а в партнерстве с отдельными европейскими странами, Россией или Китаем или в самостоятельном качестве в рамках противостояния «всех против всех».

В параграфе 4.2. «Особенности Греции как проводника и модели европейской интеграции государств постъюгославского пространства» рассматривается трансформация греческой политики в отношении региона как важнейшего фактора для евроинтеграции Балкан.

Греция не только является традиционным актором на Балканах. Её вступление в ЕЭС с самого начала оказывало влияние на северных соседей. С одной стороны, оно ударило по возможностям югославского экспорта. С другой – усилило транзитное значение и инфраструктурную связанность СФРЮ с Западной Европой. Распад Югославии и биполярной системы нарушил баланс региональной системы международных отношений, активировал греческие фобии в отношении Анкары, Скопье, греческого меньшинства в Албании и положения православных христиан и, самих Афин в европейской и евроатлантической семье.

Поддержка официального Белграда и сербской линии в целом в первой половине 1990-х гг. следовала из представлений греческого руководства, что сохранение федеративной Югославии защищает Грецию от эскалации югославского конфликта и перспективы усиления македонского ирредентизма. Смерть в июне 1996 г. А. Папандреу и приход к власти К. Симитиса символизировали «возвращение» Афин в мейнстрим политики ЕС. Греция присоединилась ко всем западным инициативам

принуждения к миру. В 1999 г. в кризисе вокруг Косова Афины поддержали общую позицию ЕС, несмотря на неприятие более 90% греческого населения возможности применения военной силы против Белграда. Вместе с тем отказ Греции от непосредственного участия в бомбардировках имел для обеих сторон огромное эмоциональное значение.

Греческое руководство осознает, что роль проводника инициатив ЕС может дать им существенно больше, а также укрепить позиции внутри Европы по греко-турецким противоречиям. Греция сыграла ключевую роль (с Болгарией) в создании Процесса сотрудничества в ЮВЕ, став инициатором саммитов в Салониках и на Крите в 1997 г. В 2000-е гг. страна становится важнейшим торговым партнером и иностранным инвестором на Балканах. Существенная часть банковского сектора, строительства и коммуникационной сферы в первой половине 2000-х гг. была занята представителями греческого бизнеса. Инструменты экономической дипломатии Греции на Балканах демонстрировали эффективность. В глазах ЕС Афины выглядели «честным брокером».

Однако в результате кризиса суверенной задолженности Греция из проводника европейской интеграции на Западных Балканах приблизилась к категории «проблемных» балканских стран, что привело к растворению основных инструментов греческой политики в ЮВЕ: экономической дипломатии, функций своеобразной «модели» европейской интеграции для стран региона, а также роли «проводника» и «представителя» ЕС на Балканах. Неспособность греческой дипломатии выдвинуть Западные Балканы в приоритет повестки своего председательства 2014 г., тяжелейшее положение Афин в рамках миграционного кризиса 2015 г. и, наконец, неубедительный формат достижения соглашения со Скопье 2018 г. также способствовали возникновению подобного положения. Афины оказались перед дилеммой, когда география, история и экономика требуют их активного и системного присутствия на Балканах, а инструментов для его реализации у Афин практически нет. Для ЕС же они превратились в спойлера, контрпример политики интеграции.

В параграфе 4.3. «Трансформация балканской политики арабо-мусульманского мира в контексте европейской интеграции стран региона» исследуется фактор государств Персидского залива и ассоциированных с ними негосударственных элементов через призму интеграционной политики ЕС. Борьба боснийских мусульман за независимость стала поводом для проявления к ним религиозной солидарности со стороны неравнодушного исламского мира. Можно выделить четыре вида поддержки, которую обеспечивал единоверцам Ближний Восток: 1. деятельность по изменению международной повестки; 2. гуманитарная помощь посредством негосударственных официальных исламских благотворительных организаций; 3. гуманитарная и военная помощь мусульманских государств; 4. содействие со стороны исламских террористических организаций и исламистов (моджахедов). Непосредственная помощь осуществлялась ОАЭ, Катаром и Кувейтом и Саудовской Аравией.

При этом грань между официальной международной государственной помощью мусульманам Балкан и военной поддержкой со стороны международных террористических организаций была и остается нечеткой. Примерно треть арабских НПО на Балканах параллельно занималась поддержкой террористических организаций, таких как Аль-Гамаат аль-Исламия (Египет), ХАМАС (Палестина), Хезбалла (Ливан), некоторых алжирских радикальных группировок, а также Аль-Каиды.

Подписание Дейтонских мирных соглашений в декабре 1995 г., с одной стороны, и бомбовые атаки в Найроби и Дар-эс-Саламе в августе 1998 г. и начало «войны против терроризма», с другой, подтолкнули США приступить к борьбе как с иранским влиянием, так и с арабо-афганскими сетями в регионе. Официальные власти арабских государств по отношению к странам Западных Балкан стали отходить от продвижения ярко выраженного исламского фундаментализма, считая, что «культурно-религиозную экспансию» можно осуществлять постепенно, в том числе через использование экономических инструментов. Отказ от открытого радикализма был трансформирован в политику «мягкой» силы.

В течение второй половины 2000-х и в 2010-е гг. странам Персидского залива удалось занять свою финансово-экономическую нишу в ЮВЕ. С начала мирового продовольственного кризиса 2008 г. аравийские монархии приступили к реализации масштабной стратегии по инвестированию в зарубежные сельскохозяйственные земли и строительный сектор. В настоящее время Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар и Кувейт разделили сферы влияния и неравномерно, но с большим территориальным охватом распределились на Балканах.

Параллельно с воплощением в жизнь инвестиционных и экономических проектов арабские страны стали экспортировать консервативный ислам, арабскую культуру и арабский язык. Подобная культурно-религиозная интервенция постепенно видоизменяет образ балканских государств. «Серую зону» представляют параджаматы, создающие параллельную государственной социальной сферу и формирующиеся преимущественно вокруг мечетей.

Страны ЮВЕ активно участвуют как по линии НАТО, так и по линии ЕС в борьбе с терроризмом и исламским радикализмом, но отдачи это не дает. Местные мусульманские общины часто интерпретируют действия в рамках данной борьбы как попытку своих правительств ослабить давление со стороны НАТО и ЕС. Социально-экономическая стагнация региона и однолинейность, а иногда и формальность действий со стороны балканских правительств, ЕС и НАТО по обеспечению безопасности, а не только наличие отдельных радикальных исламских ячеек в регионе, финансируемых ближневосточными странами, представляют угрозу положению и развитию мусульманского общества на Балканах и превращает его в зону нестабильности для ЕС. Разноуровневое и разноплановое присутствие арабо-мусульманского мира на Балканах постепенно становится самостоятельным фактором в международном положении региона.

Пятая глава посвящена рассмотрению роли глобальных акторов в современных интеграционных процессах в ЮВЕ. В параграфе 5.1. «Особенности американской политики на Балканах в контексте евроатлантического партнерства» доказывается, что политика США в Юго-Восточной Европе не является направленной на европеизацию Балкан, т.е. не представляет, как это официально позиционируется, единую с ЕС систему стабилизации и трансформации региона.

Присутствие США на Балканах не ограничивается прошедшими тремя десятилетиями. Имея хоть и меньшую, чем европейские империи, историю, они заметны в регионе сравнительно давно. При этом утверждение, что конфликтный период 1990-х годов является лишь небольшим историческим периодом в общей позитивной истории американо-сербских и американо-балканских отношений, стало все более популярным нарративом как в США, так и в странах бывшей Югославии.

Балканские войны начала XX века сформировали базисное представление американской дипломатии о том, что основной проблемой региона является межэтническая и межрелигиозная ненависть, замкнутая в узком географическом пространстве. Специфика югославского вектора американской внешней политики в течение всей холодной войны сводилась к недопущению советского контроля над этой территорией, а единство Югославии считалось лучшим способом достижения этой цели. В 1990-е годы США усилили свое присутствие на Балканах. Активное вовлечение в югославский кризис стало одним из оснований к сохранению военно-политической структуры НАТО и ее расширению в начале 2000-х гг.

Югославский кризис был успешно использован США для дискредитации внешнеполитических амбиций ЕС. В 1992-1993 гг. Вашингтон последовательно торпедировал разработанные европейскими посредниками проекты боснийского урегулирования, такие как план Ж. Кутильеро, план Вэнса-Оуэна, план Оуэна-Столтенберга, а затем дал показательный пример американского лидерства, навязав сторонам переговорную инициативу, завершённую Дейтонско-Парижским общим рамочным соглашением о мире в БиГ. При этом содержательно Дейтонское соглашение не имело кардинальных отличий от европейских проектов. Система мирных соглашений и в целом внутри- и межгосударственного устройства в республиках, возникших на обломках бывшей Югославии, была построена таким образом, что де-факто Вашингтон оказался способен влиять на все крупные этнические группы региона как поощряя, так и «наказывая» их.

Существенно снизив военное присутствие в начале XXI века, США пропорционально усилили дипломатическое. Они закрепили за собой самую крупную военную базу в Европе. Хотя все страны Балканского региона выбрали курс на вступление в ЕС как приоритетный, роль американской дипломатии во всех, включая Словению, остается преобладающей.

Успешная ставка на военно-стратегическое и политическое влияние позволяет Вашингтону не связывать себя необходимостью развития экономических связей с регионом, инвестиционный потенциал которого до сегодняшнего дня крайне низок.

В геостратегическом плане Балканский регион постепенно приобрел для США транзитное и тыловое значение по отношению к «горячим точкам», таким как Ближний Восток и Северная Африка. В том числе присутствие здесь США определяется отношениями с ЕС, Китаем и Россией. Основными американскими союзниками в регионе являются Турция, Греция и Италия. Для всех этих стран Балканы выступают приграничной зоной, «требующей постоянного внимания». В этой связи американское присутствие в Юго-Восточной Европе, в том числе, «работает» и на отношения с ними. Новым фактором является нарастающая проблемность отношений США с Турцией. Ослабление американо-турецкого партнерства мотивирует США к созданию альтернативной военной инфраструктуры. Вступление в НАТО Черногории и Северной Македонии можно объяснить с точки зрения улучшения логистических возможностей Альянса. Соображения логистики и тыловой безопасности вынуждают США обратить особое внимание на Сербию и Боснию и Герцеговину, где начался процесс натоизации, поводом к которому стал кризис в отношениях между США и Турцией, США и Россией.

Интересам США не противоречит членство стран бывшей Югославии в ЕС. Однако Балканы, по-прежнему важны как зона демонстрации превосходства США в Европе перед ЕС. Практическим выражением данного превосходства является функциональность предлагаемых политических решений, обусловленная менее нормативной и более прагматичной политикой. В отличие от ЕС, США менее заинтересованы в практически созидательной в долгосрочном отношении политике, так как этот регион является источником угроз для европейского, а не американского «подбрюшья». Кроме того, при общей солидарности евроатлантической и евроинтеграционной линий, политика Вашингтона по отношению к странам бывшей Югославии многослойна. Через военно-политическое сотрудничество осуществляется не только ребалансировка и контроль внутри НАТО, но и реализация американской стратегии балансирования региональных национализмов. Региональный формат, которого придерживается в целом политика США, дает Вашингтону большую свободу маневра в сравнении с ЕС и его интеграционным «принципом регаты». Позиции США на Балканах позволяют не только сравнительно легко сохранять влияние в самом регионе, но и не давать возможности ЕС действовать полностью самостоятельно.

В параграфе 5.2. «Российский фактор на Балканах в контексте политики ЕС» обосновываются позиции современной России в государствах постъюгославского пространства через призму взаимодействия региона и самой России с ЕС.

История присутствия России на Балканах насчитывает не одно столетие. Политическую составляющую российско-балканских взаимоотношений всегда отличала высокая доля обоюдного прагматизма. На протяжении XX века южные славяне, их национальные движения, королевская и «титовская» Югославия рассматривались в Зимнем дворце и в Кремле как объект российской и советской политики. Период холодной войны, когда Балканы не могли быть использованы

как плацдарм для нападения на СССР, в большей степени отвечал государственным интересам СССР.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. процессы распада СССР и СФРЮ совпали не только по времени, но и были похожи структурно. Сербские политики и военные внимательно следили за событиями в советской столице и, практически не скрывая этого, искали поддержку США. В известном смысле это была ставка на провокацию в отношениях СССР и США, что также имело исторический аналог: перед Первой мировой войной Сербия точно так же вела рискованную игру в отношениях с Австро-Венгрией, прекрасно осознавая возможность столкновения ее с Россией. Общественные симпатии в Москве в этот период больше сопутствовали «сепаратистам», а не центру, который пытался подавить проблемы самоопределения силой. М. С. Горбачев, а вслед за ним Б. Н. Ельцин попали в сложную ситуацию. С одной стороны, оба сначала поддерживали целостность СФРЮ. С другой – схожие процессы в СССР и установление контактов прибалтийских республик со Словенией и Хорватией вынуждали занять более гибкую позицию.

Вплоть до конца 1994 г. российская политика в отношении югославского кризиса отталкивалась от необходимости кооперации с ЕЭС/ЕС и США. Перелом происходит в середине 1990-х гг., а с начала операции НАТО против СРЮ в 1999 г. политика Запада в отношении югославского кризиса начинает оцениваться Москвой как агрессия, подрывающая основополагающие принципы современного международного права. Ряд отечественных учёных напрямую связывает пересмотр российской военной доктрины с Балканским кризисом.

Практически не имея пространства для маневра в югославском кризисе и допустив ряд серьезных ошибок на начальном его этапе, российская дипломатия, тем не менее, парадоксальным образом смогла использовать период 1990-х гг. для закладки конструктивно-прагматических двухсторонних отношений со странами региона. В первой половине 2000-х годов для внешней политики России было свойственно восприятие Европейского союза как успешного и партнерски настроенного к Москве интеграционного объединения в сочетании с незаинтересованностью в осуществлении своего собственного интеграционного проекта. Как следствие, российские политические и экономические элиты приветствовали взятие балканскими странами курса на вступление в ЕС.

С конца 1990-х гг. по 2012-2013 гг. Россия инициировала ряд стратегических инвестиционных проектов. Российские компании закрепились в Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговине (Республика Сербская), причем в Сербии и РС были приобретены стратегические предприятия национальной энергетической отрасли. Данный тренд, однако, не привел к интенсификации политических взаимоотношений. До начала 2010-х гг. они развивались в русле реализации интересов крупных российских компаний в регионе. Российские инвестиции компенсировали недостаток западных в основополагающую инфраструктуру, способствовали восстановлению предприятий, пострадавших в результате военных и экономических потрясений 1990-х гг., позволяли модернизировать производство.

Ключевым является то обстоятельство, что в 2000-е гг. российские инвестиции практически не сталкивались с конкуренцией со стороны западноевропейского капитала, который воздерживался от промышленных инвестиций. К тому же Москва по-прежнему остается одним из немногих акторов, готовым на объемные вложения размером в предприятия, связанные с высоким риском.

Ресурсы «мягкой силы» России на Балканах справедливо кажутся западным акторам достаточно опасными для того, чтобы помешать реализации задач ЕС, однако недостаточными, чтобы воспринимать Россию в качестве серьезной альтернативы, а, значит, идти с ней на диалог. Следует отметить, что в нынешних условиях расширение ЕС также несет определенные риски для Москвы, поскольку единая внешнеторговая политика ЕС с большой вероятностью вынудит балканские страны отказаться от торговли с Россией.

В середине 2010-х гг., когда виток конфронтации России и Запада фактически достиг уровня времен холодной войны, Балканы вновь стали ареной противостояния. Однако минимизация присутствия России, чего добивается ЕС, не означает решения всех проблем Брюсселя в регионе. Во-первых, определенная близость России к Балканскому региону всё равно сохранится. Она будет поддерживаться как чувством исторической и культурной общности, так и объективной заинтересованностью Брюсселя во внешних инвестициях в регионе. Во-вторых, понижение удельной доли российских инвестиций приведет к повышению инвестиционного присутствия Китая, Турции, США и других стран. Изменение позиции Брюсселя по российскому газовому экспорту является негласным признанием того факта, что без него сложно обеспечить стабильность экономик стран Западных Балкан. Отчасти оно является средством нахождения контрбаланса в отношениях с США и Турцией, а также КНР.

В 1990-х и 2000-х гг. Россия приняла на веру постулат о том, что перспектива членства в ЕС решит все проблемы стран бывшей Югославии, а партнерство с ЕС послужит гарантией спокойного присутствия России в регионе и развития взаимовыгодных связей. Не произошло ни того, ни другого. В конце 2010-х гг. ЕС совершил симметричную ошибку, приняв на веру ущербный постулат о том, что влияние России на Балканах опирается исключительно на историческую память, а современные отношения строятся по принципу максимизации ущерба, наносимого Западу, в месте, где собственные российские национальные интересы невелики.

Параграф 5.3. «Роль китайских внешнеполитических инициатив в европейской интеграции государств постъюгославского пространства» обращен к анализу соотношения китайского геополитического проекта «Пояса и Пути» с европейской интеграцией государств постъюгославского пространства.

Отношения с СФРЮ и логика югославского кризиса оказали определяющее влияние на восприятие Пекином региона. КНР традиционно выделяла отношения с Белградом из общего ряда. Сохранение СФРЮ как государства с особым типом социалистической экономики для неё было значимо. Однако, несмотря на это, в ходе югославского кризиса Поднебесная признала независимость всех отделившихся республик без особых колебаний. В течение 1990-х – начале 2000-х

гг. два обстоятельства доминировали в отношениях Китая и Балканского региона: тот факт, что в ходе бомбардировок Белграда силами НАТО в 1999 г. коалиция якобы случайно попала в Посольство КНР, а также признание со стороны Скопье независимости Тайваня и последовавший разрыв дипломатических отношений Пекина с Македонией в 2000 г.

В условиях безальтернативной ориентации стран Центральной и Юго-Восточной Европы на евроатлантическую интеграцию и очевидно малого присутствия Китая в регионе в предшествующий период, его приход и активизация в конце 2000-х гг. стали неожиданностью не только для политических элит ЕС, но и для самих балканских стран. Это привело к поляризации оценок как целей и задач Пекина, так и его восприятия в целом. В странах Юго-Восточной Европы китайское присутствие рассматривается в рамках дихотомии «Китай как возможность» или «Китай как угроза». Такая поляризация приводит к тому, что трезвый и объективный анализ китайской политики подменяется комбинацией ожиданий, страхов, иллюзий и других субъективных факторов формирования реальности.

Задачи присутствия Пекина в Балканском регионе сводятся местной элитой исключительно к «открытию магазина на пороге ЕС», как это было десятилетие назад. Следствием такого понимания становится ошибочная трактовка КНР как игрока, готового принять и адаптировать свои задачи под цели евроатлантического мира, его политическую и нормативную модель. При этом упускается из виду, что важнейшей задачей инициативы «Пояс и Путь» является наращивание «мягкой силы» собственно КНР, создание нарратива цивилизационно-исторической общности Китая и стран, через которые (и куда) пролегает маршрут. Другие преимущества тесного сотрудничества с Китаем в глазах бывших югославских республик заключаются в возможности «обогащения» благодаря неограниченным объемам инвестиций, в том числе, без гарантий обязательной экономической отдачи в краткосрочной перспективе и огромному всеядному китайскому внутреннему рынку.

К традиционным китайским «угрозам» относят специфическую идентичность китайцев, не стремящихся к ассимиляции в европейскую культуру и национальную традицию, что на Балканах особенно ярко доказывается повсеместным наличием большого количества китайских общин, ведущих преимущественно замкнутый образ жизни и за десятилетия не перенявших черты балканского или европейского. Безусловной «угрозой» выглядят способ проникновения Китая в мировую экономику и его место в мировой торговле. Зависимость от китайских кредитов, иные экологические стандарты и стандарты безопасности, пренебрежительное отношение к институту интеллектуальной собственности – основы мирового нарратива «Китай – угроза». На Балканах он дополняется «угрозой» усугубления проблемы безработицы или, по крайней мере, нежелания КНР принять участие в решении этой проблемы путем заключения подрядов с местными компаниями.

Дихотомия «Китай как возможность» и «Китай как угроза» дополнительно накладывается на традиционное представление на Балканах о том, что в силу своего буферного положения данные государства обречены на конкуренцию за

влияние в них между «великими державами». Неожиданный приход КНР в Юго-Восточную Европу подтвердил и обострил данный тезис, оживив идею Балкан как «моста между Востоком и Западом».

Китайские инвестиции идут на создание транспортно-логистической инфраструктуры, модернизацию энергетического сектора и формирование информационно-технологического. Помимо этого, китайские компании внедряются в добывающую и обрабатывающую промышленность, сектор услуг и агропродовольственный комплекс балканских стран.

Продвигая альтернативный ЕС геополитический проект «Пояса и Пути», Пекин, как и Вашингтон, имеет уникальную возможность вести диалог со странами Центральной и Юго-Восточной Европы как через ЕС, так и напрямую. Представляется, что сущность противостояния Китая и ЕС в регионе ЦВЕ, а также Юго-Восточной Европы вскрывает и различное восприятие этой части Европы обоими акторами. Европейские дебаты и критика дипломатических усилий Китая в ЦВЕ и на Балканах неотделимы от еще более глубокой дискуссии внутри стран «ядра» ЕС о месте и роли его восточной периферии для него самого и о непреодоленном разделении внутри ЕС и по его периметру на более мелкие группы государств по уровню европеизации.

В свою очередь, КНР как в логике своих геополитических традиций, так и на практике не разделяет европейскую часть Евразии на более мелкие политико-географические зоны. Регион, объединенный проектом «17+1», отличается для Китая от Западной Европы только уровнем экономического развития, благосостояния граждан и плотностью инфраструктуры. Основной целью присутствия КНР в Юго-Восточной Европе является формирование глобальной стратегии своего сопряжения с миром, что предполагает наличие единого в его представлении европейского пространства.

В заключении сформулированы обобщающие выводы исследования.

1. Автор разработала оригинальную концепцию осмысления интеграционных процессов и политики, которая позволяет преодолеть ограниченность либерально-конструктивистских подходов и теорий европеизации, возникшую в результате трансформации современных международных отношений. Она представляет собой синтез реалистских и либерально-конструктивистских подходов. Её применение позволило объективно оценить то, чего ЕС удалось добиться в государствах постъюгославского пространства, показав одновременно ограничения внутреннего и внешнего порядка, с которыми он столкнулся.

2. Взаимодействие Европейского сообщества и Югославии развивалось в средиземноморском русле интеграционной политики ЕЭС, при этом перспектива членства страны в ЕЭС никогда не рассматривалась ни той, ни другой стороной. Югославия стремилась максимизировать выгоды от своего внеблокового положения, в то время как ЕЭС рассчитывал удержать СФРЮ от попадания в орбиту советского влияния. Период взаимодействия ЕЭС и СФРЮ во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. не стал возможным форматом «мягкого» перехода стран ЦВЕ и самой Югославии к интеграции с Западной Европой, а

применительно к внутренним процессам в СФРЮ не создал основы для своевременного купирования кризисных тенденций в Федерации. Вследствие применения прагматической логики выгодного обеим сторонам внеблокового статуса Югославии не были заложены основы для возможной будущей интеграции СФРЮ в Сообщество.

3. Характер югославских реформ и югославская Конституция 1974 г., сильно децентрализовавшие страну, заложили мину под югославскую государственность. Легкий доступ к получению внешних кредитов в 1970-х гг. в СФРЮ стал одной из причин экономического кризиса. Попыткам выйти из него были посвящены действия сменявших друг друга правительств в течение 1980-х гг. Наиболее перспективной и многообещающей была реформа, предпринятая правительством А. Марковича, которая предполагала комплекс радикальных мер, направленных на переход экономики на рыночные рельсы. Вербальная поддержка данной программы со стороны ЕЭС в условиях отказа предоставить финансовую помощь под её обеспечение усугубили внутренний кризис в СФРЮ.

4. Окончание холодной войны позволило ЕЭС по-новому взглянуть на свое положение в качестве возможного мирового актора и предоставило ему возможность подняться на качественно новый уровень. В данной парадигме рассматривалось участие Сообщества в урегулировании югославского кризиса. Наряду с явными недостатками европейской концепции урегулирования, ЕЭС/ЕС удалось продемонстрировать возможность создания активного поля переговорного процесса на основе общедемократических принципов. Неудачи ЕС в урегулировании югославского кризиса первой половины 1990-х гг. стимулировали выработку общей политики ЕС в отношении региона. Консенсус применительно к операции НАТО 1999 г. был не только признанием доминирования НАТО в вопросе разрешения югославского кризиса и отсутствия собственных возможностей для его урегулирования. Евроатлантический подход отвечал непосредственным интересам ЕС. Завершение вооруженных действий на территории бывшей Югославии и повсеместный приход к власти в целом лояльных к ЕС демократических политических режимов позволяли начать реализацию стратегии интеграции. Определяющим было то, что интеграция на пространстве бывшей Югославии представлялась Европейскому союзу наиболее эффективным средством его долгосрочной стабилизации и обеспечения собственной безопасности.

5. Международный консенсус по поводу европейского будущего ЦВЕ и наличие существенных внутренних ресурсов у ЕС для её трансформации обеспечили успех интеграционной политики ЕС применительно к этим постсоциалистическим странам. В отношении Юго-Восточной Европы ЕС пытался проводить идентичную политику, предполагая, что мотивация к интеграции в странах бывшей Югославии созвучна той, что была у Западной Европы после Второй мировой войны и ЦВЕ после краха коммунистической идеологии и авторитарно-тоталитарных режимов. Осознавая отсутствие собственных силовых инструментов, Брюссель стремился обеспечить безопасность через европеизацию. Однако на практике ЕС оказался не

готов адекватно осмысливать и учитывать специфику региона, где присутствуют три типа государств: государства в состоянии полураспада, государства, не обладающие государственностью в полном смысле этого слова, и государства, никогда до этого не обладавших государственностью. Принятый на Салоникском форуме в 2003 г. «принцип регаты» взамен разработанного для стран ЦВЕ регионального подхода не смог стать инструментом формирования региональной транснациональной общности, которая необходима для успешной европеизации. Сложности интеграционного процесса привели к определенной ренационализации европейской политики в Юго-Восточной Европе.

6. Интеграционная политика ЕС оказала значительное влияние на формирование проевропейской партийно-политической сцены в Хорватии. Вступление Хорватии в Европейский союз проходило в условиях благоприятствования Загребу со стороны Франции и Германии и Ватикана. В случае с Сербией результаты интеграционной политики ЕС оказались скромнее. Она не только не привела к ощутимым результатам, но и стала косвенным фактором деградации политической жизни в республике. В области постконфликтного урегулирования интеграционного потенциала ЕС оказалось недостаточно. Это выразилось в первую очередь в политике по отношению к субъектам, обладающим ограниченным суверенитетом и никогда не имевшим до этого опыта государственности – БиГ и краю Косово. Таким образом, применение типовых для всех стран региона инструментов европейской интеграции продемонстрировало ограниченную эффективность.

7. С конца 2000-х гг., помимо прежних внутренних и внешних ограничений, которые накладывали весомый отпечаток на интеграционную политику Европейского союза, она столкнулась с рядом новых, также вызывающих негативный эффект. Часть из них была связана с последствиями глобального финансово-экономического кризиса и для ЕС, и для Балкан. ЕС предпочёл сконцентрироваться на решении первоочередных внутренних проблем. Вопросы расширения утратили для него актуальность. На их всё более негативное восприятие накладывал отпечаток рост популярности крайне-правых и евроскептиков, вынуждающий политический истеблишмент заимствовать некоторые из их лозунгов. Затем миграционный кризис и Брекзит. Со своей стороны, Балканы превращались во всё более глубокую периферию. Ситуация изменилась, когда к Юго-Восточной Европе стало возвращаться былое стратегическое значение перекрестья интересов ведущих мировых акторов.

8. Интеграционная политика ЕС в Юго-Восточной Европе имеет ряд «внешних» пределов, связанных с акторностью и интересами других международных сил. Среди тех сил, что оказывают значимое влияние на внутренние и внешние процессы на Балканах, можно выделить акторов регионального значения – Турцию, Грецию и страны Персидского залива. Даже тогда, когда ЕС самостоятельно или вместе с США доминировал на Балканах, они вели в отношении региона многоаспектную инициативную политику, усиливая свои позиции и влияние. Однако в целом она работала на европейскую перспективу постъюгославского

пространства. Экономических крах Греции и утверждение в мире элементов многополярности изменили ситуацию. Афины перестали служить ориентиром для региона. Турция и страны Персидского залива создали плацдарм, позволяющий им отстаивать и продвигать интересы, отличные от задач ЕС, сужая тем самым его возможности для маневра.

9. Для России, США и КНР пространство Юго-Восточной Европы представляет собой арену, на которой проходят апробацию новые тренды в их взаимоотношениях с ЕС, а также инструмент тестирования уровня противоречий и возможностей для кооперации между собой. США поддерживают европеизацию постъюгославского пространства как вторичную по отношению к натоизации и в той степени, в какой она не мешает им сохранять и усиливать свой военно-стратегический контроль над регионом, ставя ЕС, по возможности, в зависимое положение. Россия, традиционно присутствуя в регионе и духовно, и политически, и экономически, квалифицируется ЕС как угроза политике интеграции, что подрывает возможный конструктивный диалог между ними. КНР в исторически чрезвычайно короткий промежуток времени превратилась в один из неотъемлемых самостоятельных факторов уже не только экономической жизни региона, позволив государствам постъюгославского пространства вернуться к традиционной тактике балансирования между великими державами. Во всех трёх случаях деятельность США, России и КНР снижает акторность ЕС в регионе.

С 2017 г. конфигурация отношений в четырехугольнике США – ЕС – РФ – Китай получает ещё одно измерение: Москва выступает с инициативой формирования Всеобъемлющего Большого Евразийского Партнерства как своего геополитического проекта объединения стран и народов гигантского суперрегиона в единое пространство общей судьбы и общего будущего. Его характерной чертой, в отличие от схем наднационального строительства, ограниченного одним регионом или субрегионом, провозглашается мягкая интеграция всей Евразии, предполагающая неукошительно уважительное отношение к политическим традициям и цивилизационному наследию всех приглашаемых к участию государств. Прежде всего, оно оказывается востребованным в таких регионах, как Юго-Восточная Азия, Средняя Азия и Ближний Восток, но обладает также большим неосознанным пока потенциалом под углом зрения обеспечения безопасности и стабильного развития Юго-Восточной Европы.

Таким образом, современная геометрия международных отношений, дискуссия внутри самого Европейского союза о путях и форматах его дальнейшего развития, а также активизация различных региональных и глобальных акторов при одновременном снижении акторности ЕС в Юго-Восточной Европе и низкой эффективности политики европеизации с практической, и с теоретической точки зрения подводят к вопросу о целесообразности смены жесткой парадигмы интеграции в ЕС через европеизацию на более гибкие и многосторонние интеграционные форматы. **Всестороннее детальное рассмотрение подобных форматов составляет исследовательскую перспективу вопроса.**

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

Монографии и главы в коллективных монографиях:

1. Энтина Е. Г. Кризис дипломатии ЕС как катализатор нового уровня международного сотрудничества на Балканах // В кн.: Европа. Евразия. XXI век начинается. М.: Полимедиа, 2018. С. 115-134.
2. Энтина Е. Г. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан / Науч. ред.: А. А. Пивоваренко, О. Ю. Потемкина. Доклады РАН. Вып. 333. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук, 2016. – 129 с.
3. Volkova (Entina) E. Political transformations in Serbia in the first decade of the XXI century // in: Balkans Foreign Affairs, Politics and Socio-Cultures. Tirana: Epoka University Publication, 2011. P. 173-203.
4. Волкова (Энтина) Е.Г. Еще один путь в Европу: от нерушимой Югославии к неделимой Сербии. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011. 210 с.
5. Энтина Е. Г., Энтин М. Л., Тнэлм Н. И. В поисках партнерских отношений VIII: Россия и Европейский Союз в 2018 - первой половине 2019 годов. М.: Зебра Е, 2019. 672 с. (авт. вклад – 12,1 п. л.)
6. Энтин М. Л., Энтина Е. Г., Тнэлм Н. И.: В поисках партнерских отношений VII. Россия и Европейский Союз в 2017 - первой половине 2018 годов. М.: Зебра Е, 2018. 816 с. (15,1 п. л.)
7. Энтин М. Л., Энтина Е. Г., Тнэлм Н. И. В поисках партнерских отношений VI. Россия и Европейский Союз в 2015-2016 годах Т. VI. М: Зебра Е, 2017. 816 с. (авт. вклад – 12, 3 п. л.)
8. Энтина Е. Г., Энтин М. Л. В поисках партнерских отношений V. Россия и Европейский Союз в 2011 - 2014 годах Т. 1 и 2. М.: Эксмо, 2015. 864 с., 752 с. (авт. вклад - 13,7 п. л.)

Публикации в зарубежных рецензируемых журналах:

9. Entina E., Pivovarenko A. Russia's Foreign Policy Evolution in the New Balkan Landscape // Croatian Political Science Review. 2019. Vol. 56. No. 3-4. P. 179-199 (авт. вклад – 0,6 п. л.)
10. Entina E. Turkey – Returning to the Balkans // Balkanistica. 2016. No. 29. P. 61-84.
11. Entina E. Sa(f)ve Bosnia! // Debatte. 2016. Vol. 24. No. 2. P. 149-167.
12. Entina E., Entin M. The New Role of Russia in the Greater Eurasia // Strategic Analysis. 2016. Vol. 40:6. P. 590-603 (авт. вклад – 0,4 п.л.)

Публикации из перечня ВАК:

13. Энтина Е. Г. Приоритеты англо-американской политики в Юго-Восточной Европе в условиях изменения архитектуры международных отношений // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. №1. С. 107 – 116.

14. Энтина Е. Г. Взаимодействие ЕС и Китая в Юго-Восточной Европе // Вопросы политологии. 2020. № 1. С. 313 – 319.
15. Энтина Е. Г. Эволюция греческой внешней политики в отношении Западных Балкан в контексте европейской интеграции // Обозреватель – Observer. 2020. № 2. С. 32 – 42.
16. Энтина Е. Г. Сотрудничество Югославии и Европейского экономического сообщества в контексте современных интеграционных процессов в Юго-Восточной Европе // Вестник МГИМО. 2020. № 1. С. 39 – 55.
17. Энтина Е. Г., Синопальников Н. С. Фактор арабо-мусульманского мира и ближневосточных государств в современном развитии стран бывшей Югославии и Албании // Современная Европа. 2020. № 2. (авт. вклад – 0,7 п. л.)
18. Энтина Е. Г., Энтин М. Л., Торкунова Е. А. Новый этап деколонизации: от формальной суверенности к реальной // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 124-135. (авт. вклад – 0,3 п.л.)
19. Энтина Е. Г., Энтин М. Л., Торкунова Е. А. Сегодня и завтра ЕС сквозь призму правового инструментария углубления интеграции. Часть 1. // Современная Европа. 2019. № 1 (87). С. 27-37. (авт. вклад – 0,3 п.л.)
20. Энтин М. Л., Энтина Е. Г., Торкунова Е. А. Сегодня и завтра ЕС сквозь призму правового инструментария углубления интеграции. Часть 2 // Современная Европа. 2019. № 2 (88). С. 39-49. (авт. вклад – 0,3 п.л.)
21. Энтина Е. Г. Евро-атлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 1. С. 192-208.
22. Энтина Е. Г., Смирнова А. С. Роль диаспоры в формировании и развитии “мягкой силы” России в современной Сербии // Современная Европа. 2018. № 5. С. 49-59. (авт. вклад – 0,7 п.л.)
23. Энтина Е. Г., Энтин М. Л. К конструированию будущего отношений между Россией и ЕС // Современная Европа. 2017. № 5. С. 16-26. (авт. вклад – 0,4 п.л.)
24. Энтин М. Л., Энтина Е. Г. От мирового либерального порядка к нормализации международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 12. С. 5-17. (авт. вклад – 0,5 п.л.)
25. Энтина Е. Г., Коновалова Н. А. Переходные общества сквозь призму "Греческой болезни" (на примере Черногории) // Современная Европа. 2017. № 3 (75). С. 62-71. (авт. вклад – 0,6 п.л.)
26. Энтина Е. Г. Балканы вчера и завтра: пороха хватит на всех! // Современная Европа. 2015. № 1. С. 37-45.

Публикации в прочих научных журналах:

27. Энтина Е. Г. Southeast Europe in Russia's Current Foreign Policy // SÜDOSTEUROPA Mitteilungen (Germany). 2019. № 2. P. 71-81.

28. Энтина Е.Г., Энтин М.Л. Правовые гарантии защиты интересов ЕС от последствий брекзита. Итоги правления Терезы Мэй [отв. ред. Е.В. Ананьева]. М.: ИЕ РАН, 2019. С. 90-99 (авт. вклад – 0,3 п.л.)
29. Энтина Е. Г., Энтин М. Л., Войников В. В. Перспективы, потребности и подводные камни конституционализации ЕС и ЕАЭС // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 89-103. (авт. вклад – 0,2 п.л.)
30. Entin M., Entina E. The impending gargantuan wave of decolonization // Rivista di Studi Politici Internazionali. 2018. Vol. 85. No. 2. P. 235-248. (авт. вклад – 0,5 п.л.)
31. Энтина Е. Г. Западно-балканское измерение политики Европейского союза // В кн.: Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Часть II / Отв. ред.: О. Ю. Потемкина, Е. А. Маслова. Ч. 2: Доклад Института Европы № 341. М.: Институт Европы РАН, 2017. С. 62-71.
32. Entina E., Entin M. Russia and China protecting the contemporary world order // Rivista di Studi Politici Internazionali. 2016. Vol. 83. No. 4. P. 539-553. (авт. вклад – 0,5 п.л.)
33. Entina E. Macedonian trap // Rivista di Studi Politici Internazionali. 2015. Vol. 82. No. 327. P. 343-359.
34. Entina E. On all four sides: shock of Serbian diplomacy's Five Years Plan? // Rivista di Studi Politici Internazionali. 2013. Vol. 80. No. 3/4. P. 535-553.
35. Entina E. Značaj ekonomskog razvoja za zemlje Zapadnog Balkan // In: Značaj uspostavljenja zone slobodne trgovine između Ruske Federacije i Republike Srbije. Prishtinë : Univerzitet u Pristini, 2012. P. 378-393.
36. Волкова (Энтина) Екатерина От распада к модернизации. К вопросу о современных российско-сербских отношениях // The History of The 20th Century. 2012. № 2. С. 197-221.

Публикации тезисов и материалов научных конференций:

37. Entina E. Impact of the EU in Serbia's transition and political behavior in 2008-2013 // In: Proceedings book of the 4th International Conference on European Studies "Social, Economic and Political Transition of the Balkans". Tirana: Epoka University Publication, 2013. P. 275-287.
38. Entina E. Politički aspekti ekonomske saradnje Rusije i Srbije // In: Proceedings of the International Scientific Conference IPES-SR 2013 "Experiences and perspectives of economic cooperation between Serbia and Russia". Priština: Ekonomski fakultet Univerziteta u Prištini, 2013. P. 333-343.
39. Энтина Е. Г. Урегулирование косовского вопроса в контексте отношений между Россией и Западом // В кн.: Международные отношения в XX-XXI веке. Материалы международной научной конференции в рамках Первых Чемпаловских чтений. Уральский федеральный университет им первого Президента России Б. Н. Ельцина. Издательство Уральского университета, 2013. С. 443-448.

40. Volkova E. Factors of USSR and SFRY collapse in modern historiography // In: Book of abstracts of the 30th ESHHS conference in Belgrade, 5-8 July 2011. Beograd, 2011. P. 140-143.
41. Волкова Е. Г. СФРЮ/Сербия – СССР/Россия: от распада до модернизации // В кн.: Twenty years later 1991–2011. The Reshaping of Space and Identity, The Proceedings of the International Congress. Moscow, 29 September – 1 October 2011. М., 2011. С. 386-410.

Публикации в ведущих российских экспертно-аналитических ресурсах:

42. Энтина Е., Пивоваренко А., Новакович Д. Куда идут Балканы? Новая парадигма сотрудничества для России // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 28.09.2018.
43. Энтина Е. Г., Новакович Д., Энгельгардт Г. Н. «Один из 300 миллионов». Сербия после Путина // РСМД. 21.01.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odin-iz-300-millionov-serbiya-posle-putina/>
44. Энтина Е. Г., Новакович Д. Возможные международные форматы «пакетного решения» по Балканам // РСМД. 28.12.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhnye-mezhdunarodnye-formaty-paketnogo-resheniya-po-balkanam/>
45. Энтина Е. Г., Новакович Д. Переговоры по Косову 2019 — возможности и ограничения для России // РСМД. 24.12.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/peregovory-po-kosovu-2019-vozmozhnosti-i-ogranicheniya-dlya-rossii/>
46. Энтина Е. Г., Энтин М. Л. «Блеск и нищета» концепций неопределенности // РСМД. 17.01.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/-blesk-i-nishcheta-kontseptsiy-neopredelennosti/>
47. Энтина Е. Г., Энтин М. Л. Европейский союз распрямляет плечи // РСМД. 02.10.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evropeyskiy-soyuz-raspryamlyaet-plechi/>
48. Энтина Е. Г., Энтин М. Л. Возвращение эры консервативного национализма в ЕС и США // РСМД. 19.04.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-ery-konservativnogo-natsionalizma-v-es-i-ssha/>
49. Сучков М., Энтина Е., Пивоваренко А. США на Балканах: эволюция присутствия, приоритеты, перспективы // Рабочая тетрадь РСМД. 23.03.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/ssha-na-balkanakh-evolyutsiya-prisutstviya-prioritety-perspektivy/>
50. Энтина Е., Пивоваренко А. Россия на Балканах // Лонгрид РСМД. 12.12.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/digest/longreads/rossiya-na-balkanakh/>
51. Энтин М., Энтина Е. Новая повестка отношений между Россией и ЕС // РСМД. 31.05.2016. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/novaya-povestka-otnosheniy-mezhdu-rossiey-i-es/>